

КРАСНООСМЕРКА

№ 9

1919

МОСКВА

1017533(8)

1919

ДЕНИКИН БУДЕТ СЛОМЛЕН.

„Наши войска распределены согласно обдуманному и твердо проводимому плану. Наше наступление на главный источник сил неприятеля неуклонно продолжается. Деникин будет сломлен, как сломлен Колчак. Нас не запугают, и мы доведем свое дело до победного конца.

Чтобы отразить наступление на Орел, чтобы перейти в наступление на Курск и Харьков, надо, сверх того, чем мы располагали, мобилизовать лучших работников из пролетариата. Серьезна опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности в добавление к прежним силам войска мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях“.

Ленин.

СОДЕРЖАНИЕ: *Н. Горлов.*—На Украину! На Дон! *Р. Рок.*—На юг. Стих. *Н. Львов.*—Последний день Парижской Коммуны. *Валентинов.*—О шелоном. Стих.—Рассказы „Гайдамака“.—*Баратов*—Западный фронт. *С. Заревый*—Под красным знаменем. Стих. *С. Гарин.*—Советская власть—маяк мирового пролетариата. *Матрос.*—Шипящим... Стих. *Д. Ведный.*—Блудоден и блудословы.—Герои и мученики Красной армии.—Страничка смеха.—Почта красноармейца.

На Украину! На Дон!

«верховного правителя земли русской» делает последние попытки остановить наше продвижение в глубь Сибири.

Не слобовать Колчаку; скоро заплатит он за кровь рабочих и крестьян, пролитую на Волге и на Урале.

Вместе с Колчаком разбита нами, раздавлена в прах на южном Урале казачья белогвардейщина. Крайний Туркестан соединился с Красной Россией.

Красная армия уже отвоевала для Советской России сибирский хлеб и туркестанский хлопок. На Советской России нужен еще донецкий уголь. Колчак разбит, Дутов раздавлен; очередь за Деникиным.

Деникин—теперь самый опасный враг рабочекрестьянской России.

Ему удалось собрать большую, крепкую военную силу из казаков, киргизов, чеченцев и белой золотопогонной сволочи. Он перерезал у Царицына Волгу и захватил почти всю Украину. Он пытается наступать на Москву...

Сил у Деникина было вначале не много, но у нас в то время на южном фронте оказалось еще меньше: часть из них была тогда оттянута на восточный фронт, а другая часть, получив удар в спину от изменников Григорьева и Махно, не выдержала и отступила.

Теперь фронт Деникина растянулся длинной дугой, захватив весь юг России.

Для того, чтобы крепко держать такой фронт, Деникину нужно много сил: одними офицерско-казачко-киргизскими бандами тут не обой-

олчак доживает последние дни. Сброшенная с уральских гор стремительными ударами красных войск, армия

дешья. И пришлось Деникину по примеру Колчака начать мобилизацию рабочих и крестьян. В классовой войне пытается он создать внеклассовую армию. Но от этого то как раз и погиб Колчак. Погибнет и Деникин.

Не надолго удастся белогвардейцам мобилизовать трудящихся против трудящихся. Недолго «внеклассовая» белогвардейская армия может выдержать напор классовой рабочекрестьянской Красной армии.

В занятые Деникиным города и деревни приходят помещик и капиталист; вместе с ними—попы, губернаторы, полицейские, жандармы, сыщики, палачи и вся царская нечисть. Новые хозяева начинают восстанавливать там старый порядок. Этот старый порядок—кабала для рабочих и крестьян. Капиталисты отнимают фабрики у рабочих, увеличивают рабочий день, понижают заработную плату. Помещики подбираются к крестьянской земле; восстанавливается «частная собственность помещиков на крестьянские земли и на крестьянский хлеб». Надо же русским барам на чем-нибудь сидеть, надо им платить английским буржуям за танки и пулеметы. А для острастки трудящихся в городах и деревнях ставятся виселицы, идут массовые расстрелы. Всех способных носить оружие нагайками и шомполами сгоняют в полки и бросают в бой против Красной армии.

Деникинский «рай» для рабочих и крестьян оказывается не лучше колчаковского. Два сапога—пара. Понятно, что и от этого рая бегут рабочие и крестьяне, бегут с фабрик, с копей, из деревень и из казарм в леса, организуют отряды повстанцев. Фабрики пустеют, реки заливаются водой, хлеб крестьянский зарывается в землю (не хотят крестьяне его англичанам отдавать), в городах растет дороговизна и вместо благоденствия и порядка получается анархия и развал.

Нужно еще сказать, что без помощи союзников Деникин давно бы погиб. Союзники помогали ему деньгами, оружием, снаряжением, одеждой, а где могли (как, напр., под Одессой) и военными силами.

Но теперь за границей не только рабочие, но и многие буржуи начинают против этого протестовать. И в самом деле: думали заграничные буржуи, поддерживая Колчака, Деникина и др. русских генералов, скоро с Советской Россией покончить. Да не тут-то было: вот уже сколько времени сыплется их золото в карманы русских белогвардейцев, как в прорву, а толку все нет. Стоит несокрушимо Советская Россия, а белогвардейские правители валятся один за другим. И по воле берет опаска заграничных буржуев: «Давать-то даем, а получать-то от кого будем?» Чем даль-

ше, тем меньше помощи Деникину от союзников. Чем дальше, тем ближе его гибель.

Деникинская армия разваливается. Красная армия должна победить.

Пусть же это будет скорей!

Лишнее время — лишняя наша кровь.

Красные братья, рабочие и крестьяне! Движемся все железной стеной и сскружим Деникина!

Деникин — последняя крупная ставка иностранного империализма

Побив эту ставку, мы выиграем скорый мир.

Долой же трусов, шкурников, дезертиров!

Долой всех тех, кто мешает делу победы, делу мира!

На Украину! На Дон!

Н. Горлоз.

На юг.

Вот звуки „Интернационала“

Как молнии бьют.

Нам сегодня наша песня

сказала:

„Това ищи, на юг!“

За счастье,

За красную волю

К еше держи штык.

Вперед!

За светлую долю

Вперед, рабочий народ!

Не шеренга —

Цепь,

Не шаг —

Гром:

Над нами се, п

Крестится молотком.

Вперед!

Крепче держи штык!

Как штык, звуки песни бьют —

каждому:

Слышь ты,

„Товарищ, на юг!“

Рюрин Рок.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Пьеса в I действии Николая Львова.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марсель Блан—начальник отряда.
1-й рабочий.
2-й рабочий.
Луи—художник.

Элиза—работница из предместья.
Домбровский.
Рабочие. Офицер.

При поднятии занавеса—профиль баррикады (в разрезе). Налево группы защитников баррикады. Направо площадь, усеянная обломками, изрытая снарядами. Над баррикадами—покосившийся красный флаг. Часовой вдвигается во мглу. Вдали небо, красное от зарева. Изредка дальний гул.

1-й рабочий. Который час?

2-й рабочий. Около четырех.

1-й рабочий. Как будто перестали стрелять. Да, весь берег занят.

2-й рабочий. Кем занят?

1-й рабочий. Еще вчера версальцы заняли левый берег.

2-й рабочий. Зачем же мы здесь?

1-й рабочий. Не знаю. Так нужно.

2-й рабочий. Нам не приказано уходить.

1-й рабочий. Разве ты не был в штабе?

2-й рабочий. Штаба больше нет.

1-й рабочий. Где же они? Где все командиры?

2-й рабочий. Умерли... Убиты... Одних расстреляли. С нами только Марсель.

1-й рабочий. Надо спросить у него.

2-й рабочий. Оставь его, он заснул. Он не спал шесть ночей... и потом он ранен.

1-й рабочий. Пока с нами Марсель, дело еще не потеряно...

Элиза (*поднимаясь с земли, освещает фонарем землю*). Ты спишь Луи?

Луи. Нет. Усни, Элиза, я постелю тебе плащ...

Элиза. Не надо. (*села рядом, гладит его волосы*). Луи, разве все погибло?

Луи. Не знаю... Вероятно... Нет связи со штабом.

Элиза. Зачем же мы здесь? Что же мы можем сделать на окраине города, с маленькой пушкой, которая не стреляет, на полуразбитой баррикаде?..

Луи. Нам не приказано уходить... Мы должны прикрывать отступление отрядов.

Элиза. Этих отрядов уже не существует, одни перебиты, другие разбежались... Им некуда отступать, впереди версальцы, позади немцы... Что могут сделать двенадцать человек вооруженных старинными ружьями? Спроси Марселя...

Луи (*укоризненно*). Элиза, что ты говоришь...

Элиза (*после паузы*). Прости меня. Я схожу с ума... Я не хочу, чтобы ты умер... (*вздрыгнула, подавила слезы*). Ты поймешь и простишь меня. Я так измучилась. Эти ужасные две недели... Я хорошо понимаю, что уйти уже нельзя. (*Гул пушек*). Опять стреляют... Значит, наши еще сражаются. Значит, еще не все погибло...

Луи. Это версальцы разбивают из пушек казармы. Оттуда уже выкинули белый флаг, но они не берут в плен рабочих... Они продолжают стрелять.

Элиза (*содрогаясь*). Смерть, всюду смерть... Буржуа еще не устали убивать...

Луи. Они только входят во вкус... Еще будут тысячи и тысячи трупов. Это затянется на годы. Вот она—их сладость мести, они заполнят все рвы Парижа трупами.

Элиза. Марсель спит?

Луи. Да, он потерял много крови.

Марсель (*поднимая голову с земли*). Не слишком много... Буржуа сумеют выпустить остатки... (*Элиза и Луи продвигаются к нему*). Да, дети, все приходит к концу... А помните день провозглашения Коммуны: десятки тысяч народа, тысячи солдат-коммунаров, море красных знамен... Это не может умереть... Пожары

и пули не вытравят из народа память о Парижской Коммуне.

Луи. Память... Разве все уже в прошлом...

Марсель *(после паузы)*. Не надо закрывать глаза... Все в прошлом. Мы погибли оттого, что не сумели во-время добить версальских буржуа... Теперь они прижали нас к железной стене немцев и раздавят, как пустой орех... Мы погибаем оттого, что рабочие еще не научились стрелять, оттого, что у нас нет своих офицеров, оттого, что мы не так искусны в военном деле, как они. Мир еще не готов встретить Коммуну... Мы, ее вожди, наивны и думали, что двадцать тысяч коммунаров рабочих победят двадцать тысяч наемных солдат... Нужно было научиться воевать, а мы за эту осаду научились хорошо умирать.

Элиза. Неужели все они умрут?.. *(оглянувшись в сторону дремлющих рабочих)*.

Марсель. Храбрые умрут. Каждую каплю их крови вспомнят потомки. Наши трупы — прекрасный посев, но урожай соберут только внуки... *(пауза, сочувственно взглянул на Элизу)*. Дитя мое, зачем вы здесь? Женщинам здесь не место.

Элиза. Я там, где Луи... Мы не расстанемся...

Марсель. Вам не надо расставаться... Не правда, Луи?..

Луи *(задумчиво)*. Да... *(многозначительно)*. Все мы останемся здесь, и ты, и я, и Элиза...

Марсель. Мне не о чем жалеть... А вы слишком юны, и у вас вне еди любовь...

Луи. Разве смерть отнимет у меня любовь Элизы... Мы умрем вместе, вот так, уста у уста... *(целует ее)*.

Марсель *(грустно)*. Вы еще так молоды, дети.

Часовой *(закуривая трубку, рабочему внизу)*. Что холодно, старина?

Рабочий. Да, рассвет... Что тебе там видно?..

Часовой. Дым и огонь... Впереди совсем тихо...

Рабочий *(приподымаясь)*. Горит собор Богоматери?..

Часовой. Нет, я его вижу... Это горит Тюильери... А там направо рынок... Там мы держались долго... Отчего молчат эти версальцы?

Часовой. Подозрительное молчание.

Рабочий. Они просто забыли о нас. Вчера они сунулись и получили хороший урок *(выстрел где-то близко, заглушенные крики и шум, на баррикаде зашумелись, еще выстрелы, какой-то человек перебегает впереди баррикады)*.

Домбровский. Не стреляйте, не стреляйте... Я из предместья. Не стреляйте!

Марсель *(встав с земли, остановил движением руки рабочего)*. Не стреляйте! Где я слышал этот голос?..

Домбровский *(пробираясь по обломкам на баррикаду)*. Я послан из рынка, кто из вас Марсель Блан? *(пошатнулся, падает на руки поддерживавших его рабочих)*.

1-й рабочий. Дайте ему воды...

2-й рабочий. Расстегните ворот *(суета)*.

Луи. Он приходит в себя...

Марсель. Что нового?

Домбровский. Что нового? Вы — Марсель Блан? *(ищет у себя на груди)*. Вот — донесение *(Марсель нервно разрывает конверт, прочел... подавил волнение, спрятал, все следят за ним)*.

Марсель. Вы еще держитесь?

Домбровский. Да, но Париж в руках версальцев... Из 4-го полка рабочих осталось двадцать человек. Я прошел через весь Париж, чтобы попасть к вам. Везде я видел трупы... Сотни трупов... Покажи руки! Если на руках мозоли, если пальцы почернели от пороха, — в ряды... Арестованных уводили к Северному вокзалу и сотнями расстреливали на путях... Они сошли с ума... Они пьяны от крови и убийств. Нам пощады не будет. В погребах Версаля заперты тысячи наших... Они умирают от жажды и голода. Одеты как на праздник, буржуа гуляют перед окнами подвалов и бросают в них камнями. Дамы бросаются на пленных и царапают им глаза... Неделю назад я был в разведке в Версале и все это видел... Когда пленные поднимают крик, часовые стреляют в окна, и два дня трупы убитых лежат рядом со спящими...

Марсель. Как вы прошли сюда?..

Домбровский. Меня останавливали много раз... Я поляк, показывал им иностранный паспорт и говорил, что пробираюсь в Сен-Жермен к дочери... Два раза хотели меня расстрелять... перед вашей баррикадой я побежал, они стреляли в меня и промахнулись.

Марсель. Как вас зовут?

Домбровский. Я — Домбровский... Вы видели меня в штабе Руселя.

Марсель *(отводя его в сторону)*. Перед баррикадой много солдат?

Домбровский. Да, у них пушки. Это — вопрос получаса...

Марсель. Мы будем защищаться.

Домбровский. Да, лучше умереть здесь, чем там, у стены, безоружными.

Марсель *(круто повернулся к рабочим)*. Товарищи, мне не за чем лгать вам, Парижская Коммуна погибла. Штаба больше не существует. Русель пишет мне: «Нам остается умереть с оружием в руках», — но перед нашим последним боем я говорю вам... Кто хочет, может уходить с баррикады, я никого не принуждаю оставаться... *(пауза)*. Не надо лишних жертв, товарищи... *(одному из рабочих)*. Может быть ты Жак, у тебя сестра и мать... Зачем тебе оставаться здесь?..

1-й рабочий. Я не уйду...

Марсель. Люпен, ты живешь совсем близко и тебе удастся уйти...

2-й рабочий. Останусь с тобой, Марсель...

Марсель. Подумай, пока не поздно *(взгляд его упал на Луи и Элизу)*. Товарищи, все мы жили с первых дней нашей Коммуны, все мы можем умереть вместе с ней... Но разве не завещала нам судьба еще более высокий удел... Некоторые из нас должны пережить Коммуну. Из поколения в поколение они должны прои-

ти и рассказать людям о нашей смелой мечте, о наших победах и гибели... Кто-нибудь должен остаться и должен жить для идей... И пусть это будут самые молодые из нас, самые смелые... Я говорю о вас, Луи и Элиза.

Луи. Нет, нет...

Марсель. Да, это должны быть вы. Вы любите друг друга, но еще больше вы любите нашу прекрасную, вечную мечту, нашу Коммуну... Через дни, месяцы и годы вы пронесете легенду о нашей борьбе и гибели, и, может-быть, через десятки лет вы доживете до нашей победы. Элиза и Луи, идите и живите!

Элиза (обнимает его). Марсель... мы не оставим вас...

Марсель. Нет, вы уйдете!.. Смотри Луи... алеет восток, восходит солнце и эти алые лучи рассеивают дым и пламя пожаров. Так, через много лет взойдет солнце нашей мечты (указывая на солнечный луч). Идите и живите! Вы организуйте победу рабочих...

(Луи и Элиза поочередно пожимают руки всем. Марсель целуется с Луи. Они уходят влево, провожаемые взглядами. Пауза).

Часовой (вглядываясь в даль). К оружию! (Все бросились к ружьям, труба, сиренный рожок. Перед баррикадой появляется офицер и трубач, у офицера на сабле белый платок).

Марсель. Не стрелять! Это парламентареры...

Офицер. По приказу главнокомандующего генерала Галифе, мы предлагаем всем еще, не сложившим оружие, сдаться... даю вам пять минут на размышление...

Марсель (рабочим). Ваш ответ, товарищи? Домбровский. Долой палачей! (стреллет из револьвера в воздух). Вторым выстрелом я уложу тебя на месте, лакей буржуа. (Офицер и трубач быстро уходят.)

Марсель (поднимает знамя вверх). К оружию!.. Да здравствует Парижская Коммуна! Все. Да здравствует Парижская Коммуна!

(Сиренный рожок за сценой и бой барабана... Отдельный выстрел. Марсель пошатнулся и упал на руки Домбровского, передал ему знамя, тот поднял его).

Марсель. Вот и конец... (агония). Я умираю, друзья мои, милые товарищи.. Мне так легко умирать, и это потому, что я верю в победу. Теперь мы гибнем, но через 50 лет из наших маленьких необученных рабочих отрядов вырастут мощные, прочные дивизии. Миллионы рабочих научатся владеть оружием, побеждать и управлять миром. Я вижу победу... Я вижу красную зарю на востоке... Мы были слабы и неопытны, но внуки будут сильнее и победят... На время они оставят станки заводов, возьмут в руки ружья и победят... Точно миллионы глаз глядят на меня из темноты будущего и миллионы уст говорят мне: «Вечная память вам, наши деды, верьте, мы сомкнемся железным строем и отомстим за вас». Я верю в победу наших внуков... Да здравствует Коммуна! (Рожок и барабаны, все припали к ружьям и ждут... Сейчас грянет залп).

Занавес

С эшелоном.

Военный эшелон к шести утра,
И в шесть часов сменяется бригада.
Еще темно... Особенно остро
Предутренняя терпкая прохлада.

Таинственно еще молчит вокзал,
И пусты отдаленные платформы,
Но словно ястребиные глаза
Зажжем огнем багряным семафор мы...

Мы - воины железа и угля,
Жрецы освобождающего бога,
О, сколько сказок ведает земля
О нас и о тебе, железная дорога.

Туман встает от придорожных трав
И от стволов смотрителя сада,
Военный эшелон к шести утра..
Уж скоро пять... Готова ли бригада?..

Валентинов.

Все для фронта.

Рассказы „Гайдамака“^{*)}.

1. На Украине.

хоть родился в Бузулукском уезде, но жил все время в Ямпольском уезде, Каменец - Подольской губернии. Жена моя живет близко, в 20 верстах

отсюда, в деревне Голубовке. „Гайдамаком“ меня прозвали товарищи, когда я служил полтора года добровольцем на Украине в отрядах „Маруськи“ (Никифоровой. Прим. автора) и Муравьева, и ходил брать Херсон и Одессу; прозвали за то, что я всегда забирался вперед от своих и любил дразнить „петлюровцев“ всякими штуками. У нас в роте все имели прозвища: одного прозвали „Петлюрой“, другого — „Батьком“.

Хорошо было на Украине. Случалось, что и крестьян обижали; только „Маруська“ у нас на этот счет—ух!—строга была и за грабеж расстреливала. Жили мы, как запорожцы—вольницей. Бывало, возьму винтовку и саблю, оседлаю лошадь и поскачу, сам не знаю куда. А там наткнулся на „петлюровцев“; они начнут „дукать“, а я их подразню немного, прогуляюсь под самым носом и домой; ни разу не ранили. Я все время служил конным разведчиком; при лошадях я нахожусь еще со „старого режима“, когда служил „холуем“ (деньщиком) у офицера.

^{*) От редакции.} „Гайдамака“—лицо не выдуманное. Это—доброволец Н крестьянского полка Н Симбирской железной дивизии Яков Яровенко. Несмотря на свою молодость (ему всего 19 лет), он имеет много воинских заслуг. Взял 2 пулемета, роту белых и совершил ряд других подвигов. Революционным Военным Советом 1-й армии награжден за выдающуюся храбрость золотыми часами. Все его рассказы записал т. Самарский в госпитале, где „Гайдамака“ был на излечении после довольно серьезной раны. Он не хвастает своими подвигами, и вообще не любит рассказывать; он даже удивляется, что его слушают с таким вниманием и так подробно расспрашивают.

Он—один из тех многочисленных героев, которых рабоче-крестьянская Русь выдвинула на защиту своей свободы от гнета отечественных и иностранных капиталистов.

2. Как „Гайдамака“ захватил пулемет.

— Расскажу я вам, как меня ранили.

Не верил я, что ранят, а все же ранили. Я в крестьянский полк вступил добровольцем в Унече, брал с полком Симбирск, Ставрополь, дрался под Бузулуком и за Орском; был во многих боях и перестрелках и всегда выходил цел. Ранило меня под Зыковым, на Уфимском фронте, верстах в сорока правее Абдулина, в апреле этого года.

Сперва была перестрелка. Я вызвался добровольцем пойти в передовую заставу стрелять. В это время наш снаряд ударил по цепи противника, у которого произошла суматоха.

Увидя замешательство в рядах колчаковцев, я выскочил вперед (неприятель находился от меня всего на расстоянии 500 шагов) и взял два пулемета, стоявшие на телеге, так как белые отошли. Когда я добежал до телеги, белые сделали знак, что сдаются, но затем дали два залпа, из которых вторым я был ранен. Я упал на подводу, успел заткнуть рану куском, оторванным от рубахи, и уехал на ней с пулеметами в часть. Вдогонку стреляли, но не попали.

Пулеметы я представил командиру полка. Потом меня отправили в околодок, а оттуда в санитарный поезд, где я нахожусь и сейчас. Вот подлечусь и—айда!—в свою часть. Еще буду бить Колчака. Я и сейчас хочу просить товарища Гая, чтобы мне дал пашку, а то без нее как-то неловко. Он добрый, мне часы подарил. Да еще сняться бы хотелось у здешнего фотографа. Никогда еще в жизни не снимался. Хорошо бы жене показать.

3. Спас пшеницу.

— Много было интересного у нас во время нашего наступления на Бузулукском фронте; всего не расскажешь. Смешно мне казалось только, что многие товарищи боялись, прятались, а я ничего этого не испытывал, ни пули, ни снаряды меня не пугали, и все меня называли „колдуном“, а наш покойный командир полка, Барановский (он похоронен здесь в Сорочинском саду), очень любил меня за то, что я веселый и всегда играл на гармонике впереди цепи.

Расскажу я по порядку:

Это было в октябре прошлого года у опытного поля на казенной ферме, в 10 верстах от села Погромного.

Наши занимали фронт в селе Погромном. Я находился в команде конных разведчиков крестьянского полка и однажды вечером после заката солнца добровольно вызвался в разведку.

Было довольно холодно; крестьяне кончили пахать и возвращались домой.

Я взял винтовку, две бомбы, прицепил пашку, вскочил на коня и поскакал к опытному полю.

Там стоял неприятельский пост из 10 человек спешенных конных. Когда я приблизился и заметил их, я обогнул их и повернул им в тыл, после чего пустил сзади них ракету и этим произвел суматоху. Я видел, как они вскочили на лошадей и, дав несколько беспорядочных залпов, ускакали.

Я подехал к ферме ближе и пустил им вслед 2 ручных гранаты; убедившись, что противника поблизости нет, я въехал в самую ферму.

Кругом не было видно души.

В одном домике я нашел старосту—седого старика.

Я стал его допрашивать: он страшно перетрусил от стрельбы и спросил:

— А вы кто такой будете: казак или большевик?

Я ему сказал:

— Я—большевик.

Он мне не поверил. Тогда я прикрикнул на него:

— Если не скажешь, есть ли у вас казаки или нет, я тебя застрелю!..

Тогда, совершенно перепуганный, он сказал:

— Казаков, товарищ, нигде нет, они все уехали. Только у меня на дворе они оставили два воза пик и два воза овса.

Я приказал ему:

— Сейчас же запряжь аи лошадей и вези все это со мною в Погромное, в часть.

Тогда только он догадался, что я действительно большевик, так как сам был из Погромного, и рассказал мне, что разезд казаков собирался увести из элеватора общественную пшеницу, но мое появление помешало этому и им удалось увезти совсем немного пшеницы.

Таким образом я случайно не позволил дугтовским грабителям увезти пшеницу.

На другой день наши заняли ферму.

4. Один целую роту взял в плен.

Зимой 1918 года, после Рождества, мы наступали у дер. Болейки на хохлацкие хутора: 1-ый и 8-ой.

Неприятель все время в беспорядке отходил.

Когда наша пехота его нагнала, наш начальник объявил:

— Кто хочет—поезжай на фланг.

В это время противник открыл пулеметный огонь по нашей кавалерии.

Никто из наших не пожелал ехать.

Тогда я вызвался:

— Я поеду один.

Был полдень. Мороз был порядочный.

Я поехал верхом по направлению к неприятелю.

Вдали я увидел какие-то части: я подумал, что это—наши, но это оказался неприятель; незаметно я въехал к нему в тыл.

Не размышляя ни минуты, я с криком „ура“ и обнаженной пашкой бросился на противника.

Белых оказалась целая рота.

Офицеры стали в меня стрелять из револьверов; солдаты же мигом побросали ружья и, подняв руки вверх, стали кричать: „Не руби—мы сдаемся“.

Одного фельдфебеля, который выстрелил в меня в упор из „Нагана“, я зарубил пашкой; других обезоружили свои же солдаты и повели в наше расположение.

Я видел, как два офицера сами застрелились, когда их части стали сдаваться.

Всего было взято в плен 55 человек солдат и 4 офицера: подполковник, поручик, прапорщик и подпрапорщик.

Мне показалось очень забавным, что подводчики—крестьяне, подняв руки с кнутами, кричали не своим голосом:

— Не стреляй, товарищ! Мы тоже—«облизованные».

Должно быть они думали, что если не будут повторять того же, что и солдаты, то я всех зарублю.

Портрет „Гайдамана“

Один дряхлый старик с седой, длинной по пояс бородой поднял в одной руке плетль, а в другой—чапан и бормотал:

— Товарищ, товарищ!.. Я—«облизанный»...

Я его шутя спросил:

— Ты, старик с бородой, наверно полковник или генерал из штаба, что так кричишь!..

Он стал божиться:

— Ей богу, товарищ, я—«облизанный»! Вот те крест!..

И он перекрестился.

Тогда я засмеялся и отпустил его.

Солдаты кругом тоже засмеялись.

После того мне пришлось быть в избе у этого самого старика и я все время спрашивал его, смеясь:

— Ну, старик!.. Сознаться: был ты полковником или нет?..

Он узнал меня и стал ругать белых.

— Они, окайинные, нагайкой меня пороли, ограбили дочиста и на старости лет воевать заставили!..

А бабы той деревни, куда я привел пленных, пугали их, называя их казаками:

— Что, казаки, попались «Гайдамаку», ведь он у нас—колдун, его никогда и пуля не берет!..

5. Бабу за казака принял.

В ноябре прошлого года мы наступали на села Ивановку и Михайловку, недалеко от села Соретинского.

Казаки убегали без оглядки.

Я в'ехал в село и нагнал за селом полводу, в которой сидела женщина с мальчишкой, убегавшая за казаками.

Видя, что я скачу позади, она крикнула:

— Господин станичник, есть еще сзади казаки или нет?..

Я поровнялся с ней и крикнул ей:

— Стой!

И так как я сначала не поверил, что это—женщина, я приказал ей:

— Сейчас же скидывай с себя юбку, сукин сын!

Женщина заплакала:

— Господь с вами, господин станичник!.. У меня есть муж—казак. Ведь, я с мальчишкой из станицы к мужу на побывку приехала. Помогите мне удрать от красных!

Уже смеркалось. Я повернул лошадь казачки по направлению к нашей деревне, а ее стал успокаивать:

— Ничего, тетка, не бойся; там в деревне наши—казаки; они тебя не тронут.

Между тем окончательно стемнело. Ехали медленно; было около 11 часов вечера.

В это время навстречу нам показались 4 или 5 конных.

Я отскочил от подводы и карьером двинулся на них, крикнув:

— Кто едет? Стой!..

Они в ответ:

— Не стреляй, братец! Мы свои—казаки!..

Я уже был рядом с ними.

Они окружили меня.

Незаметно я вынул из ножен пашку, размахнулся и одного из них ранил, а другого зарубил. Остальные ускакали.

Женщине я сказал, что встретил красных и зарубил их. Она сначала тревожилась, но потом успокоилась.

Была еще ночь, когда я довез ее до нашей деревни.

Утром я зашел к ней. Она уже поняла, куда попала.

Я у нее шутливо спросил:

— Что, казачка, запишешься в Красную армию с казаками воевать?

А она мне ответила:

— У меня в Красной армии есть брат, а муж—в казаках!..

После этого женщина была отпущена на все четыре стороны.

Товарищи мои много смеялись, когда я рассказал им, как думал, что эта женщина—переодетый казак, и часто дразнили:

— Ишь, «Гайдамак». Бабу за казака принял!..

6. Сам мулла попался.

В январе этого года наш полк подходил к станице Елизаветинской, за Орском.

Наша пехота была уже под самой станицей, а кавалерия и пехота противника—на другом конце станицы.

Я опередил нашу пехоту и в'ехал на гумна. Вдруг показался из-за угла герховой башкир и закричал мне издали:

— Господин станичник, утекай, красные наступают!

Так как моя лошадь была лучше, чем у него, я его тотчас нагнал с криком: «Стой!»...

Он вздумал было от меня бежать, но, подехав к нему вплотную, я сорвал с его плеч винтовку, после чего он сам бросил пашку.

Я стал его бить тупою стороною пашки.

Он под ударами стал кричать:

— Не бей, господин станичник!.. Я—Пластунского полка!..

Я повел его к своим.

По дороге он, путая русские слова с башкирскими, старался уверить меня:

— Не бей, госпо... товарищ. Моя не казак, моя—рабочий... Актюбинске... Завод...

Но я видел, что он врет: на голове у него вокруг папахи была чалма, а в руках белая книжка, в роде молитвенника.

Он сильно смахивал на башкирского военного попа (муллу).

Увидя меня с пленником, товарищи по роте закричали:

— Какого он полка?

Я сказал:

— Пластунского.

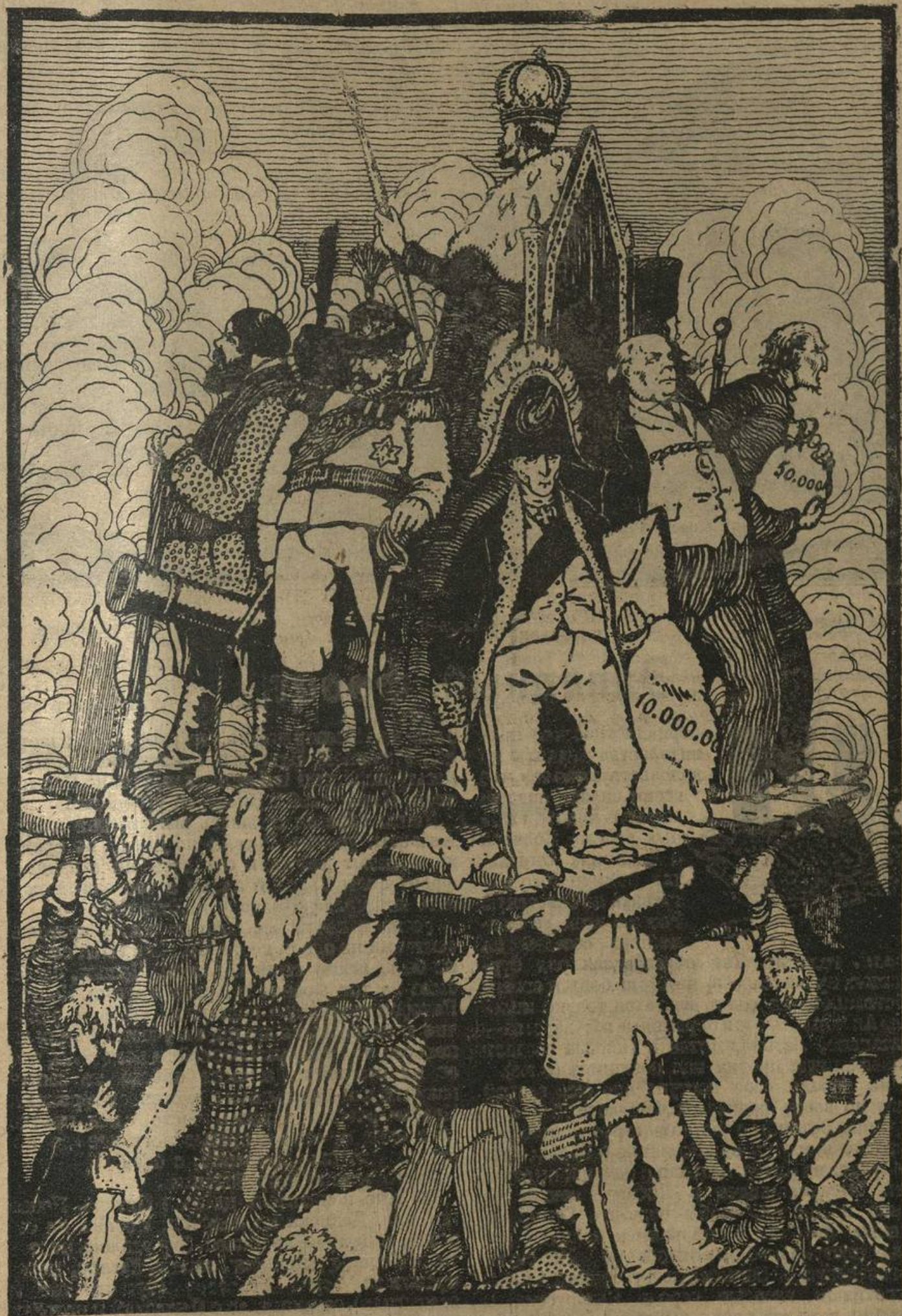
Наши закричали:

— Куда ведешь? Если Пластунского полка—руби!..

Я не мог защитить своего пленника и его зарубили.

Записал Д. Самарский.

ТАК БЫЛО...

Добрый царь сидел на троне. Трон подпирали генерал, помещик, банкир, кулак и другие царские приближенные. А под их тяжестью стонали придавленные крестьянин и рабочий. Так было, но так больше не будет.

РЕВВОЕНСОВЕТ ОСОБОЙ ГРУППЫ И ФРОНТА.

Тов. Шорин.

Тов. Смилга.

Тов. Трифонов.

Западный фронт.

западн. границе. Там образовался ряд буржуазных правительств, которые боятся своего собственного народа и держатся только милостью Антанты. Все эти окраинные государства—Эстляндия, Латвия, Литва и Польша создали направленную против нас коалицию (союз).

Они начали свое наступление еще весной сразу по всему фронту от Финского залива до Украины. Эстонцы с финнами и русскими белогвардейскими отрядами Родзянко и Балаховича двинулись на Питер. Латыши с немецкими отрядами, высадившимися в Либаве, пошли на Псков и Двинск, чтобы отрезать Питер от Москвы. Литовцы с поляками и немцами начали наступление в Витебскую, Могилевскую и Волынскую губернии, чтобы, захвативши главные города Белоруссии и Волыни, в то же время выйти на реку Днепр.

На правом фланге поляков двинулся вождь украинских кулаков Петлюра. Он стремится

империалистические правительства Антанты не довольствуются тем, что всеми силами поддерживают наших главных врагов: Колчака и Деникина. Они хотят помимо того натравить на Советскую Россию всех ее ближайших соседей на

завладеть Киевом и здесь утвердить свою власть над Украиной. Путь его наступления лежит между поляками и Деникиным, т. е. по Волынской, Подольской и Киевской губерниям.

Таким образом началось выполнение плана Антанты: урезать Россию по Днепр, во время же военных действий оттянуть на западный фронт силы Красной армии и тем самым оказать поддержку Колчаку и Деникину.

Весна и почти все лето прошло у врагов в топтании на одном месте. Силы их были слабы, не было между ними согласия. Правда, слаба была на том фронте и Красная армия. Но под Питером громадную поддержку оказали рабочие и матросы, на других же участках фронта помогло то, что красноармейцы понимали, что от их стойкости зависит победа на самых важных для нас южном и восточном фронтах. Красноармейцы дрались часто один против десятерых и, если и приходилось кое-где отступать, то шли медленно, с боем.

Этого только и требовалось.

За лето неприятель не взял Питера, Псков потерял, Двинска не получил, Москвы не отрезал, к Дону не пробился. Ему удалось подойти к Полоцку, Двинску, занять Минск, переправиться через Березину (тут же его и задержали), соединиться с Петлюрой и подойти с запада к Киеву на 200 верст.

Нам пришлось выбирать: либо мириться с временными небольшими, но все же успехами

неприятеля на западном фронте, чтобы, не отрываясь, покончить с Колчаком и Деникиным, либо взять с последних фронтов часть Красной армии и послать против поляков.

Чтобы не поддаться хитрости Антанты, мы предпочли первое и, как видим, только сдерживали врага. Все же свои силы напрягли на колчаковском и деникинском фронтах.

Но уступки не могут быть бесконечными. Антанта поняла наш план и постаралась усилить наступление на западном фронте еще больше: или заставить нас перебросить Красную армию на западный фронт или воспользоваться своим превосходством в силах и проникнуть в Советскую Россию с западной стороны так далеко, что для нас не станет уже возможной борьба ни с Деникиным, ни с Колчаком, ни с кем. Стало известным, что Антанта хочет еще раз попытаться взять Питер—колыбель революции и Москву—ее столицу.

Поэтому пришлось нам западный фронт усилить, чтобы отбросить врага подальше к его границам.

Мы начали так называемую активную оборону. Она заключается в том, что армия переходит в наступление частями там, где противник наиболее опасен, она стремится отбросить его, переходит в контр-атаку, но далеко не идет, чтобы не расходовать сил, быть наготове, отбросить неприятеля в других местах. Так, допустив неприятеля почти до Питера, мы вдруг бросились на него и отшвырнули к Нарве на 170 верст; допустили было к Луге, а потом отбросили за Псковское озеро и захватили Псков, который надо теперь не отдавать; допустили к Двине, стараемся выбросить

за нее всякого, кто переправится; пустили к Березине, но за нее не пускаем, переходим в контр-атаку.

Но у Киева у нас по отношению к полякам еще другая задача. Поляки должны были, по плану Антанты, соединиться с Деникиным и вблизи Киева или в Гомеле образовать общий фронт. Нам, следовательно, необходимо этого соединения не допускать. Поэтому, производя лишь контр-атаки по всему западному фронту, мы у Киева должны были предпринять более серьезные действия.

Их удалось произвести, несмотря на то, что приходилось драться на 3 фронта: Деникин пробивался к Гомелю с юго-востока, Петлюра к Киеву с юга, а поляки с запада.

Сдерживая Деникина к юго-востоку от Чернигова и к востоку от Киева, мы ударили на поляков западнее Киева, отбросили их на запад, врезались между ними и Петлюрой и стали бить уже в двух направлениях: на запад—поляков и на юг—Петлюру. И те и другой оказались отброшенными и отделены друг от дружки. Мы, таким образом, отбросили поляков и от Деникина. Образовался между ними огромный клин, глубиной в 200 верст, но в эту пору случайная нестойкость одной из наших частей открыла Петлюре путь к Киеву, который и был нами очищен 30 августа. Но, впустив противника в Киев, мы приковали его двойным маневром—от Коростяна к Киеву и от Житомира к Фастову и одновременным давлением от Чернигова к Бахмач-Нежину.

Таким образом создала угрозу уже левому флангу самого Деникина...

На этом нас застала осень.

Баратов.

Под красным знаменем.

Кто б ни был—пахарь иль рабочий—
Иди на грозный клич борьбы,
Будь каждый братства честный зодчий,
Вы ныне в жизни не рабы!
Весь мир зажжем мы алым светом,
Мир будет—молот, мы—руда...
Да сгинет ложь, вся власть Советам,
Под красным знаменем Труда!

Долой всю ветошь дней бесславных—
Вельмож, помещиков, купцов;
Где мы—там царство будет равных;
Где мы—не будет там лжецов!

Идем мы с радостным приветом,
В деревни, в села, в города,—
Да сгинет ложь, вся власть Советам,
Под красным знаменем Труда!

Вперед, не ведая сомнений,—
Рабочий, пахарь и бедняк,—
Труда и братства мощный Гений
Над нами поднял алый стяг...
Вся даль залита дивным светом,
Борьбы в ней грозная страда...
Да сгинет ложь, вся власть Советам,
Под красным знаменем Труда!

Сергей Заревой.

Советская власть — маяк мирового пролетариата

а пороге XIX века восставший французский народ провозгласил на красном знамени революции неотъемлемые права человека и гражданина: свободу, равенство и братство. Он ниспроверг королевскую власть и самому королю отрубил голову, он покончил с дворянскими привилегиями и изгнал дворян из их стародавних замков. Французский народ ожидал, что благосостояние и счастье трудящихся масс будет достойным венцом его революционной победы. Но этого не случилось. Буржуазия заняла опустевший трон королей и дворянства и обратила в ничто завоевания революции.

Равенство звучало насмешкой для бедняка, не знавшего, где преклонить свою голову, по соседству с раззолоченными хоромы богачей. Вместо братства люди вели вечные войны за добычу, за поживу для капиталистов. Свобода была только на бумаге. Всякий был волен устраивать собрания, печатать книги, получать образование, где он хочет. Но какой рабочий после 10—12-ти часов работы пойдет на собрание, какой рабочий или крестьянин может получить образование в университете, когда ему сизмальства приходится снискивать себе пропитание. Рабочие и крестьяне имели право печатать свои книги и газеты, но у них не было для этого средств. Редко-редко путем специальных сборов могли они сообща сколотить маленькую толику денег на издание рабочей или крестьянской газеты. Вся остальная печать была в руках капиталистов и только отравляла сознание народа буржуазными писаниями.

Трудовые массы поняли, что они сделали только полдела. Железные оковы они переменили на золотые. Свержение царской власти и дворянских привилегий еще не дает свободы трудовому народу, раз сохраняется власть капитала.

Поэтому на красном знамени трудящихся к слову «революция» прибавилось слово «социальная». Социальная революция означает изятие из рук богачей всего того, что дает им возможность закабалить трудящихся, т. е. земли, заводов и политической власти.

Рабочие всех стран в течение долгих лет на международных съездах провозглашали, как свою главную цель: передачу земель и фабрик в общественное достояние трудящегося народа и установление диктатуры пролетариата, то-есть сосредоточение в его руках твердой политической власти. Только диктатура пролетариата могла обеспечить победу народа.

Но это требование висело в воздухе, было только хорошим пожеланием. Многие социалисты, особенно мелкобуржуазного пошиба, глядели на социальную революцию, как на недостижимую мечту, не верили в ее осуществление.

Октябрьская революция в России осуществила эту мечту. Октябрьская революция оказалась долгожданной социальной революцией трудящихся: она отняла землю у помещиков и передала ее крестьянам, она отняла у капиталистов фабрики и заводы и вручила их трудовому народу, она дала власть Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Советская власть стала первым в мире рабоче-крестьянским правительством. Это рабоче-крестьянское правительство вырвало русский народ из империалистической войны, затеянной царем Николаем, дало народу передышку и начало борьбу за отстаивание настоящей свободы трудящихся, свободы от цепей капитала.

Среди темной ночи европейской войны, среди урагана безумной кровопролитной бойни русская революция просияла, как луч солнца. Весь мир обратил на нее свои взоры: буржуи со страхом и трепетом, рабочие и крестьяне — с верой и надеждой. Буржуазные правительства Франции и Англии, Германии и Америки обуяны одной мыслью: задушить русскую революцию и Советскую власть. Наоборот, трудящиеся этих стран заявили свою непреклонную волю: не дать буржуазным правительствам задавить Советскую власть в России.

Буржуазная цензура не дает заграничным газетам описать всю творческую работу Советской власти; буржуазные газеты пользуются этим и выливают на Советы ушаты грязи: все «советские» деятели — жулики, грабители, неучи и т. д. Рабочие и крестьяне в Зап. Европе мало знают о том, что делается в России, но их трудовая жизнь подсказывает им не верить буржуазным газетам: Советская власть и программа коммунистической партии глубоко запали им в душу, и на Советскую Россию обратили они все свои упования.

Советы были образованы в Германии, Австрии, Венгрии, Словакии, Kroации, кое-где в Италии. Иногда удавалось им захватить власть в свои руки, но буржуазные правительства набрасывались на них, как злые псы, и топили в крови восстания крестьян и рабочих.

Буржуазные правительства не дают Советам стать во главе управления, но совсем запретить их существование они не смеют, слишком дороги Советы рабочему классу, и он не даст поднять на них руку.

Россия — пока единственная страна, где власть Советов осуществилась в полной мере.

И трудящиеся всех стран глядят на нее с восхищением и радостью, с глубоким волнением следят они за успехами Красной армии и ждут того момента, когда обстоятельства позволят им пойти по тому же пути и протянуть нам вооруженную руку помощи.

Нет ни одного собрания рабочих и крестьян в Европе, где не было бы выражено чувство симпатии к России. Но не только среди рабочих и крестьян европейских стран имя Советской России окружено сиянием славы.

В Азии и Африке целый ряд народов стонет под гнетом европейских завоевателей: Китай, Афганистан, Персия, Египет, подпавшие под власть хищников европейского капитала, обращают к России свои взоры и видят в ней свою заступницу и избавительницу.

На Советской площади в Москве вместо прежнего памятника белому генералу Скобелеву воздвигнут теперь обелиск Свободы. Это — стройная пирамида, тянущаяся в высь. На ее основании золотыми буквами начертана Советская конституция, а над этим основанием изваяна фигура Свободы, которая движением руки зовет вперед. Эта фигура Свободы является вместе с тем и образом Советской России, которая зовет трудящихся всех стран вперед по пути освобождения от золотых оков капитала.

Этот призыв не останется неуслышанным, и вместо враждующих государств во всем мире будет существовать только братский союз Советских республик, который поведет трудящихся всего мира по светлому и радостному пути социализма.

Семен Гарин.

Навалерийская атака.

Шипящим...

(Посвящается „господам“ буржуям).

Вы бормочете про соловья и про чайку,
 Похотливо заплетая язык,
 А я вспомню чрезвычайку
 Политксомов, танки и штык.
 Выпячивая губы с балкона,
 Вы глазете на луну со своей Дульцинеей,
 Но ведь каждое заседание Губисполкома
 В тысячу раз ценнее.
 Шипите, проклятые змеи,
 Заползшие под кровать.

Ведь никто из вас не посмеет
 Даже декрет со стены сорвать!
 Вы, кто на помойку еще не выкинут,
 Кого не сгребла Чека,
 Ставьте свечи генералу Деникину,
 Ждите мессию Колчака...
 Но вам себя нечем тешить,
 Нечего топырить уши:
 Если мы вас не успеем перевешать,
 Ваш собственный Колчак вас задушит.

Затрос.

Блудодеи и блудословы.

О полах, говорят очень часто скабрзности,
 Дескать, бабники все, жеребцы, шатуны;
 Но имейте же, братцы, побольше серьезности.
 Грех поповский пусть знают поповы штаны.
 Ежли батя облапит порой богомолку,
 То творит он сие втихомолку:
 Посторонние здесь не нужны.
 С богомолкой целуется поп иль кусается,—
 Это дело нас мало касается.
 Это дело касается больше мужей:
 Пусть приставят к бабенкам своим сторожей,
 Чтоб козла в огород не пускали,
 А пймазши, хороший бы дали урок.
 Впрочем, многих попов уж за гриву таскали,
 А большой ли от этого прок...
 Отраст ют опять их пушистые гривы.
 Все попы от природы, беда, как блудливы,
 И у нас как-то свыклися с этим вполне:
 Чем блудливее поп, тем он в большей цене,
 Особливо у барынь дородных, зане
 Обретают оне у подобного бати
 Превеликий источник святой благодати.

Леший с ним, с блудодейством духовных отцов,
 Ведь, в конце-концов
 Превратили мы сами попов в жеребцов,
 Развращая их нашей поблажкой огульной.
 На довольстве мирском богомолец иной,
 Знай, нагуливал жир, словно бык племенной,
 Привыкая к обжорству и жизни разгульной.
 Но не в этом я главную вижу беду:
 Дармоедов мы скоро приучим к труду,
 А пока—они плохо с работой свыкаются,
 Раут упряжку и крепко брыкаются.
 Еще помнят попы благодатные дни,
 Когда были и сыты и пьяны они:
 Раз в неделю об-дню отбрякай,
 О загробных делах покалякай,
 Старушонок водицей святой покропи,
 А потом, после этакой трудной работы,
 Зазались с попадией и блаженно храпи,
 С понедельника спи до субботы.

Ни забот никаких для попа, ни хлопот:
 Кто-то льет за попа не жалючи, пот,—
 Кто-то рвет свои жилы, о бате заботится.
 Знает батя: по воле каких-то судеб
 Для него сам собою посеется хлеб,
 Сам соберется и сам обмолотится.
 Все в порядке, хоть батя не двинул рукой.
 Так не диво, что поп после жизни такой
 Вряд ли скоро к труду приохотится.
 Батя знал свое дело: возок снарядить,
 Взять кошель покрупней и поглубже мешочки
 И по избам с крестом и кадиллом ходить,
 Да заглядывать бабам в горшочки.
 Смотришь, батя домой, что в берлогу медведь,
 Тащит на зиму всякую справу и снедь,
 От д-яний у бати весь дом чуть не ломится.
 Ублажи, вишь, попа, изнуренный народ,
 Голодает, справляет посты круглый год,—
 Лед постится, а батя скоромится.

Потому-то попам нынче жизнь не всласть,
 Потому-то они про Советскую власть
 И не скажут хорошего слова,
 Что лишили мы их дарового улова.
 Потому-то мечтает любой иерей,
 Чтобы старый порядок вернулся с орей,
 И попы стали праздновать снова.
 Потому-то попы в деревнях и мутят,
 Извращая «писанья», во всю блудословят—
 Задурить они головы наши хотят,
 Они прежнюю петлю на оду готовят.
 И внушают слепцам, простецам и глупцам,
 Чтоб они зло-лукавых словес не отринули
 И—в погибель себе и во благо отцам—
 Себе сами б ту петлю на шею накинули.
 Вас попы никогда не научат добру —
 Дармоедам лишь барская власть понутру.
 Баре ж жаждут упиться народною кровью,
 Растерзать, превратить нас в безжизненный труп.
 Знайте ж, братья, что трижды четырежды глуп,—
 Кто поверит попу и его благословию.

Демьян Бедный.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ КРАСНОЙ АРМИИ

„Отказался покинуть окопы“.

(Памяти тов. Куликова).

Под местечком Морозо, Шадринского уезда, пал смертью храбрых коммунист тов. Куликов.

Тов. Куликов был воспитанником детского приюта.

После своего выхода из приюта тов. Куликов добивается упорным трудом звания народного учителя и с тех пор занимается педагогической деятельностью, неизменно пользуясь горячей привязанностью своих учеников.

Угроза делу революции властно призвала тов. Куликова, убежденного коммуниста, в ряды Красной армии, где он и сражался стойко и беззаветно до последних дней.

Под местечком Морозо неприятель двинул кавалерию и пехоту в количестве во много раз превосходящем наши силы в обхват обоих флангов красных войск. Отбивая яростные атаки белых, мы израсходовали все патроны.

В виду недостатка патронов, решено было временно занять исходное положение. Тов. Куликов отказался покинуть окопы...

Когда, через несколько часов, мы вновь заняли покинутые было позиции, мы нашли в одном из окопов труп товарища Куликова.

Труп носил явные следы издевательства (левый глаз был пробит револьверной пулей, а правый — выколот штыком) и был совершенно раздет.

Так умер один из лучших сынов революции.

„Гордитесь моей смертью!“

(Памяти тов. А. Ф. Филиппова).

На Псковском участке западного фронта у дер. Ржавки, Избеской вол., Псковского уезда, пал смертью храбрых красный герой военком N-го батальона N-го стрелкового полка тов. Александр Филиппович Филиппов; до Октябрьской революции тов. Филиппов работал на Путиловском заводе в качестве жестянщика. К. Р. К. П. (большевиков) он примкнул в начале 1918 года и, когда на рабоче-крестьянскую Россию ополчились, под командой бывших царских слуг белогвардейцы, тов. Филиппов, вступает добровольно в 1-й стрелковый Петроградский полк, от ко-

торого был избран членом Питерского Совдепа, но с первым же отправляющимся на пополнение для фронта эшелоном он едет и вступает в N-й стрелковый полк. С первых же дней своей кристальной честностью и самоотверженными действиями тов. Филиппов приобретает симпатию и доверие среди товарищей красноармейцев и занимает пост военкома N-го батальона.

Во время наступления на Псков тов. Филиппов принимал активнейшее участие в боях и разведках, находясь всегда в первых рядах.

24 сентября тов. Филиппов об'езжал линию фронта у дер. Ржавки. Белые обстреливали пулеметным и ружейным огнем дорогу, и одной из пуль тов. Филиппов был убит наповал.

После смерти в числе других документов у него было найдено письмо к родителям следующего содержания: „Может-быть, меня убьют на фронте золотопогонники, то Вы не печальтесь, ибо я счастлив умереть за эту свободу, которая досталась такой дорогой ценой. Гордитесь моей смертью, ибо нет большего счастья, как умереть за дело трудящихся. Прощайте, дорогие родители и дорогие братья“.

Честь и слава герою — бойцу Коммуны!

Тов. Козлов.

В бою у местечка Морозово без вести пропал коммунист тов. Козлов.

Тов. Козлов уроженец г. Слободского, до мобилизации он служил в Вятском Губисполкоме.

В бою под Морозовым нам временно пришлось отступить.

Тов. Козлов был тяжело ранен в ногу и, не имея возможности следовать за нами, остался на месте.

Неприятель был близко.

Тов. Козлов встретил наступавшие белогвардейские цепи, как рассказывал случайный свидетель его подвига, учащенной стрельбой из винтовки.

Когда он израсходовал все патроны, белым удалось его окружить.

Что было дальше — никаких сведений нет. Вероятно, тов. Козлов был расстрелян.

Кр-ц Д. Шахматов.

Ллойд-Джордж.

Ой, товарищи, невесело!..
Мы остались на бобах...
Вся Антанта нос повесила—
Наступает полный крах...
Убедились мы воочию
(Да не только мы одни),
Что английские рабочие
Покраснели в эти дни.
Не укрыться нам за танками,
Если даже наш народ
Овладеть захочет банками
И весь уголь заберет!
Это ж просто беззаконие
И скандал на целый мир...
Ну, а тут еще Эстония
Заключить желает мир.
Жизнь нам длинный нос привесила,
Не поможет пушек гул.
Ой, товарищи, невесело!..
Помогайте!.. Карраул!..

П. Зуев.

Метки.

Буржуи ждут прихода Колчака,
Колчак же ждет, чтобы пришел Деникин!..
Рабочий! В это дело вникни:
Буржуй—ду ак... Бог метит дурака,—
Колчак отмечен уж рабочею рукою,
Теперь Деникину осталось метку дать..
Рабочий! Дело за тобою—
Не стоит ждать!!

П. З.

КОЛЧАК—КАДЕТАМ.

Перезалив через Урал, шлю привет Милюнову,
Лианозову и другим.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ.

„Ой, товарищи, невесело!..“

Попы и мощи.

Попы теперь тревогу бьют:
Они, как кур, попали во ши!..
Раскрытые недавно мощи
Попам дохода не дают!..

* * *

Прошла для них пора пиров:—
Они питаются лишь щами,
Поп нынче крест отдать готов,
Лишь только бы владеть мощами!..

* * *

Вот чудачки!.. Я б сделал проще:
Я сам бы превратился в мощи!..

П. З.

Хлеб.

Хлеб стоит два рубля.. А я
За сотню фунтик позупаю..
Кто цену хлебу вздул?.. Не знаю!..
Но только раз, дэмой идя,
Я видел, как, присев у стѣнки,
Какой-то тип считал керенки,
И много их он тут же насчитал..
А рядом с ним мешок из-под муки лежал!..

* * *

Через два дня его поставила «Че-ка»
Под стѣнку... Только без мешка!..

П. З.

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. А. Соколову. Вы пишете, что введение нашивок на рукавах для лиц командного состава есть новая погудка на старый лад. Это, мол, опять—в роде восстановления погон. Товарищ, приходилось ли вам бывать на больших манифестациях, процессиях и торжествах в больших городах? Если приходилось, то вы помните, что всегда распорядители носили там повязки на руках. Носили для того, чтобы каждый из участников знал к кому обратиться, как ему пройти на сборный пункт, и за другими справками. Если бывали какие-нибудь непредвиденные столкновения, те же распорядители с повязками на руках указывали, как быть, чтобы не было катастрофы. Нельзя же было каждый раз вынимать из кармана мандат и доказывать, что ему поручено следить за порядком. Так и на фронте. Бывают в боевой обстановке случаи, когда части смешиваются между собой, а чужого полкового или батальонного командира мало кто знает. Вот тут-то нашивки на рукаве и помогают разобраться, кто ответственен за порядок и за ведение боевых действий. Офицерского блеска, как на золотых погонах, тут мало, а польза для дела может быть большаа.

Тов. Гаревому. В присланной вами заметке вы поднимаете вопрос о том, почему иногда провинившихся товарищей, в виде наказания, отправляют на фронт. „Ведь Красная армия,— пишете вы,—краса и гордость Советской России, а не дисциплинарное заведение“. Это все правда, товарищ. Но ведь на фронт отправляют не отъявленных преступников, а товарищей, которые совершили те или иные прегрешения по легкомыслию; многие из таких случайных преступников забывают, что революционная борьба требует от ее участников принесения самых тяжелых жертв для достижения победы. Эти товарищи слишком увлекаются своим привилегированным положением, и вот, чтобы напомнить им об их революционных обязанностях, их и отправляют на фронт.

Тов. который не подписал своей фамилии. Вы пишете, что во всех селах, деревнях, где Вам приходилось бывать, крестьяне готовы поддержать Советскую власть и дали бы рабочим хлеба, сколько надо, но не хотят иметь дело с коммунной. По вопросу о коммунах в одном из ближайших номеров журнала «Красноармеец» мы дадим особую статью. Прочитайте также статью «Беда крестьянская» в 6-м № «Красноармейца»

Тов. А. Масленникову. Ваше стихотворение „Вперед“ написано гладко, в нем есть рифма и размер, но нет самого главного—живого, непосредственного чувства. Вы пишете:

„Мы боремся за мирный труд,
За землю, фабрики, заводы;
Враги же рабство нам несут
Хотят лишить народ Свободы...“

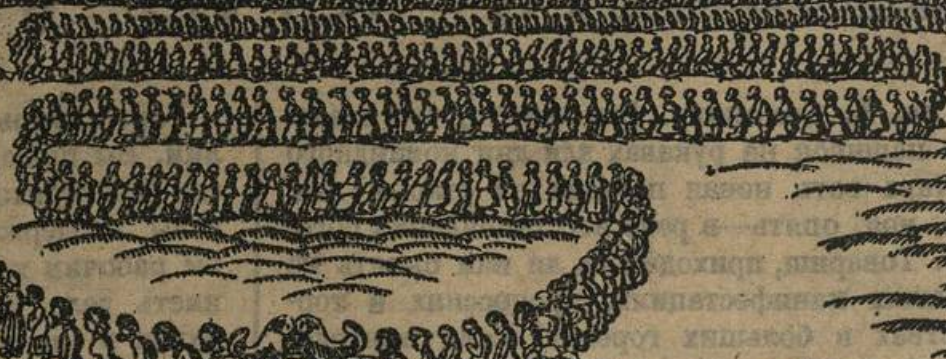
Похоже, будто вы стихами излагаете политическую статью. Так написано все ваше стихотворение. Все оно выдуманно „из головы“.

Тов. И. Никулину. В вашем стихотворении „Врагам народа“ вы пишете:

„Ваш пробил час, сочтены ваши дни,
И ярко загораются уж новые огни,
И искры падают все дальше и шире,
И единенья братства носятя уж в мире“.

В этом стихе нет стиха: в одной строчке один размер, в другой—другой, и поэтому стихотворение выходит похожим на рассказ. Последняя строчка у вас совсем неправильная: „единенья братства носятя“. Так нельзя сказать. Присмотритесь к стихам известных хороших поэтов. Возьмите любое из таких стихотворений и расставьте сами ударения на слогах. Тогда Вы увидите, что в каждом стихотворении есть определенный размер, особый порядок, в котором чередуются слоги с ударениями и без ударений. Вот в этом зам надо разобраться. И почитать надо побольше, чтобы грамоту хорошо усвоить.

ТАК БЫЛО ПРЕЖДЕ

ЦАРИ СЧИТАЛИ:

**НЕЛЬЗЯ ЗАВЕСТИ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАРОДУ,
ИНАЧЕ НЕВОЗМОЖНО БУДЕТ ИМ УПРАВЛЯТЬ**
(СЛОВА ЕКАТЕРИНЫ 222)

А СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СЧИТАЕТ:

**ПРОСВЕЩЕНИЕ НЕОБХОДИМО НАРОДУ,
ЧТОБЫ ОН НАУЧИЛСЯ УПРАВЛЯТЬ
СОБОЮ САМ.**

ТЕПЕРЬ

В. Ф. 1437417

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Реввоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Коллегия.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Москва.

Советская Россия в 1919 году.

Год борьбы.

стекший год был для Советской России годом жестокой борьбы.

Если попробовать подсчитать, сколько врагов выступало в прошлом году против нас, то легко сбиться со счета...

Русские контр-революционеры — Краснов, Деникин, Колчак, Юденич, Петлюра, Григорьев и много других помельче, заграничные белогвардейцы — английские, французские, японские, немецкие, румынские, сербские, чешские, польские, финские, литовские, латышские, шведские, датские и даже греческие...

Наше положение было очень тяжелое. Враги наседали на нас со всех сторон: они оторвали от Советской республики Донецкий бассейн, Туркестан, Украину, Латвию, Литву и Белоруссию. Полки Колчака двигались с Урала к Поволжью, Деникин захватил Царицын, Воронеж, Курск, Орел и угрожал Туле, Юденич два раза подходил к Питеру... Английские броненосцы обстреливали Кранштадт.

Враги грабили нас, жгли наше добро, морили нас голодом. Они отняли у нас хлеб, мясо, рыбу, соль, сахар, уголь, нефть, железо и хлопок.

Они обложили нас тесным кольцом блокады. Все сделали они, чтобы нас задушить.

От победы — к победе

Никакая другая власть, кроме власти рабоче-крестьянской, власти миллионов трудящихся не могла бы выдержать и десятой доли тех ударов, которые обрушились на Советскую Россию в минувшем году. Но Советская власть только окрепла под этими ударами. Мы видим теперь как на всех фронтах Красная армия с победным боем широко раздвигает границы Советской России. Белые генералы один за другим отлетают от нее, как мячи от палки: Колчак уже в Иркутске, Юденич — за Нарвой, а Деникин будет скоро в Черном море.

Мы идем от победы к победе.

Все — для красного фронта.

Наша борьба стоила нам многих усилий, многих жертв.

Вся Советская Россия в минувшем году была превращена в военный лагерь. Рабочим Красной Республики пришлось отложить в сторону свой молот, а крестьянину — соху, чтобы идти на фронта защищать свое право свободно трудиться на фабрике и на земле. Фабрики и заводы вместо того, чтобы производить орудия

мирного труда должны были готовить орудия войны. Железные дороги вместо того, чтобы везти хлеб и другое продовольствие в голодные города и деревни, везли солдат и оружие на многочисленные наши фронты. Десятки тысяч опытных, энергичных работников, которые в другое время могли бы отдать все свои силы советскому строительству, посылались туда же, на фронт, чтобы строить нашу Красную армию. Все управление страной Советская власть должна была приспособить так, чтобы в первую голову удовлетворялись все нужды красной Армии. Сотни учреждений с десятками тысяч служащих работали только на нее.

И вот теперь, стоя на пороге 1920 года, мы можем смело сказать, что наши усилия и жертвы не пропали даром. Мы добились того, что наш фронт стал железным, а наша армия — самую сильную в мире.

Наше внутреннее положение тоже стало за этот год много крепче. Советская власть стоит теперь на широком и прочном фундаменте. Не только пролетариат и деревенская беднота, но и среднее крестьянство, и значительная часть мелкой буржуазии и интеллигенции поддерживают ее.

Пролетариат и Советская власть.

Советская власть и ее политическая руководительница — коммунистическая партия — создание самого рабочего класса.

Поэтому с самого начала Октябрьской революции и до последнего дня рабочий класс стоит непоколебимо на советском и коммунистическом фронте. Д казывать это едва ли нужно; укажем только на один пример. Как известно, этой осенью, как раз в самый опасный момент для Советской власти, когда враг стоял у ворот наших красных столиц, в Питере, Москве и других городах были объявлены партийные недели. Эти недели дали:

В Москве — 14.581 новых коммунистов, в Питере — 4.391, в Казани — 7.763, в Туле — 4.084, в Перми — 3.405.

Эти цифры говорят лучше всяких слов

Крестьянство.

Крестьянство Советской России не сразу сознало свои интересы и в первый год гражданской войны, запутанное кулаками и попами, часто помогало буржуазии и помещикам в борьбе с Советской властью. Кулаки и попы напугивали темным безграмотным людям в деревне, что Советская власть отберет у них весь хлеб, загонит их силком в коммуны, станет притеснять веру, будет национализировать женщин, и пр. На первых порах многие крестьяне верили этому. В 1918 г. по Советской России прошла полоса крестьянских

восстаний. Но каждый раз после таких восстаний, крестьяне убеждались, что их обманули, что, выступая против Советской власти они сами себе одевали на шею ярмо. Мало-помалу присмотрелись крестьяне и к тому, как управляет Советская власть, и увидели, что ничего страшного она не делает и ничего без нужды с них не берет; если же и налагает какие повинности на крестьянство, то потому, что без этого государство существовать не может.

Польза же от Советской власти для крестьянства большая: земля—в сохранности и по справедливости между крестьянами распределена, пауки помещики ровню метлой из деревни повыметены, достаток крестьянский стал больше, кабаков нет, зато школы везде налаживаются, а в иных селах уже и электричество проведено; и не раб теперь крестьянин, не батрак баринов, а вольный работник.

Зеленые стали красными.

Вот почему успокоилось теперь крестьянство и не слышно уже давно ни о каких восстаниях. Только кое-где этим летом бесчинствовали банды дезертиров, собираясь в так называемые зеленые армии. Но и дезертирство скоро на убыль пошло.

Когда стал к нам близко подходить Деникин, увидели дезертиры, что от крестьянству несет, и сами добровольно вернулись на фронт. Темные люди прозрели, и теперь по всей Советской России крестьянство крепко держится за Советскую власть.

Что случилось на Украине.

То же самое, что пережило крестьянство Советской России в 1918 году, случилось в этом году с крестьянами на Украине. Там кулаки и буржуи крестьян еще больше, чем у нас, запутали, натравили темных людей на Советскую власть, на коммунистов и на бедноту еврейскую, учинили по всей Украине свирепую погромщину. И тяжело поплатилось за это украинское крестьянство: почти всю Украину захватил Деникин и дал вволю потешиться над ней своему озверелому офицерству. Застонала вся страна под Деникиным. Теперь опомнились украинские крестьяне, поняли свою ошибку и помогают нашей Красной армии гнать Деникина. Скоро вся Украина станет опять Советской.

Интеллигенция и мелкая буржуазия.

Нашу интеллигенцию и мелкую буржуазию, всех тех, которые посерединке между пролетариатом и буржуазией стоят и об учредилке и демократии мечтают, тоже кой-чему царские генералы научили. И Колчак и Деникин начинали с того, что с демократией заигрывали, а потом, когда забирали в свои руки военную силу, давали этой самой демократии здорового пинка генеральским сапогом.

Так вылетели в прошлом году меньшевики и эсеры из Колчакии, а в этом году то же самое в Деникии произошло: с месяц тому назад разогнал Деникин соглашательскую раду на Кубани, и теперь уже на соглашательскую Грузию нацеливается.

Пришлось соглашателям повернуть свой фронт, и вот мы еще недавно в газетах читали, что меньшевики решили поддерживать Советскую власть в борьбе с Колчаком и Деникиным.

Нашего полку прибыло. Хоть и второго сорта солдаты, и не из ружья, а из палки стреляют, и все-таки спасибо и за то, что — не в нас.

Борьба с контр-революцией.

Теперь пришло такое время, когда против Советской власти ведут подкопы, устраивают заговоры и готовят восстания только одни исконные враги рабочих-крестьян — дворяне-помещики и буржуи-капиталисты, но сил у них немного: сами они признаются, что, кроме хулиганов, нет у них другой опоры в Советской России. Все свои расчеты строили они на Деникине и Юдениче: подойдут-мол они поближе, тогда — стрельба, паника... авось кривая и вывезет. Да и тут у них не выгорело: Красная армия далеко отогнала белых генералов, а зоркий сторож рабоче-крестьянской власти—ВЧК во-время раскрыла их заговоры и покарала заговорщиков.

Советское строительство.

Несмотря на то, что трудно рабочим и крестьянам Советской России одной рукой обороняться от врагов, а другой налаживать управление и хозяйственную жизнь в стране, дело и тут, хоть медленно, но верно подвигается вперед. И в городах и деревнях идет работа: организуются Советы и их отделы, укрепляется продовольственный аппарат, пускаются в ход новые фабрики, открываются новые школы, библиотеки, читальни, устраиваются приюты, дешевые столовые, детские колонии, больницы для рабочих и крестьян.

С'езд Советов.

5-го Декабря состоялся 7-й Всероссийский с'езд Советов, который подвел итоги деятельности рабоче-крестьянской власти и принял ряд важных решений по международным, военным и внутренним делам. Из постановлений принятых с'ездом особенно важны два: одно о мире, другое о советском строительстве. Своим предложением мира всем воюющим с Советской Россией державам рабочие и крестьяне нашей республики еще раз показали всему миру, что не они хотят войны. Советская Россия не раз уже предлагала мир державам Антанты, но в то время наша Красная Республика была слаба, а буржуазные правительства еще достаточно сильны, чтобы держать в узде своих рабчих. Теперь наши

силы и силы рабочих всего мира окрепли, а мировая буржуазия ослабела, и если не сейчас, то скоро придется ей оставить нас в покое. Но мы должны помнить, что только наши удары пробуждают миролюбие в зарубежных буржуах. Поэтому, чтобы добиться от них мира, мы должны крепче их бить.

Для того, чтобы быть сильными и победить голод и нужду, которые мы терпим по милости русских и зарубежных буржуев, нам нужно быть хорошо организованными. Поэтому съезд особенное внимание обратил на организацию нашего советского аппарата и решил привлечь широкие массы рабочих и крестьян к работе в центре и на местах; съездом приняты меры к тому, чтобы работа наших местных советских органов шла согласно с центральными, а также к тому, чтобы наладить наше продовольственное и транспортное дело и справиться с холодом, голодом и болезнями.

Главная беда.

В прошлом году, когда у нас были еще некоторые запасы топлива, чтобы перевозить хлеб, не было хлеба. Теперь хлеба много на сыпных пунктах Советской России, а в завоеванных нами местах—в Сибири, на Дону

и на Украине—огромные, еще непочатые его запасы, но нет топлива, чтобы перевозить хлеб. В недостатке топлива теперь вся наша беда. От этого мы голодаем, холодаем и болеем, от этого стоят многие фабрики, от этого наше безтоварье, наша нужда во всем: в одежде, в обуви, в машинах, в сельскохозяйственных орудиях, в паровозах и вагонах...

В единении—сила.

Но и с этой бедой справимся мы. Дружными усилиями рабочих, крестьян и красноармейцев будет добыто топливо для Советской России. Уже и тут закипает работа: профессиональные рабочие союзы организуют артели для заготовки топлива, крестьяне подвозят дрова к станциям, а наша славная Красная армия гонит белого врага и скоро отберет у него области, богатые углем и нефтью.

В новый год мы вступаем еще голодные и холодные, но сильные нашим единством и верою в победу.

Мы победили виновников нашей великой разрухи. Мы победим и самую разруху. Прошлый год был для нас годом борьбы. Новый год будет годом победы.

Н. Горлов.

Из поэмы „Поединок“.

Липкой кровью полировано
Улиц каменное дно,
Но стекает в рот окованный
Солнце звездное вино.

Пред дворцами и халунами
Засеивает рвы Набат
Окрававленными трупами
И осколками гранат.

Золотые соки месяца
Льются другу и врагу...
Чьи-то внутренности месяца
В первовыпавшем снегу.
Твердь изранена пожарами,
Отраженьями костров.
Много пало под ударами
Солнце любящих борцов.

Дышат бреднями нелепыми
Обывательские сны,
Но уже цветут Совдепами
Дебри Северной Страны.

В. Александровский.

ВПЕРЕД!

Навстречу гранатам и смерти
Несемся мы красной волной,
Для белых мы красные черти
Грохочем гражданской войной.

Молот, звенящий восстанием,
Наши штыки проковал,
В безднах вчерашних страданий
Поднялся огненный шквал.

Вылилась в красного бога
Наших страданий руда...
Кровью отметим дорогу
В мир коллективный труда.

Навстречу снарядам и смерти
Вперед, за Совет Мировой!...
Для белых мы красные черти
Грохочем гражданской войной.

И. Шувалов.

Мстители.

Мортир, орудий хохот гулкий
И лай снарядов и гранат.
Всплеснули пламенные руки
Над головами скорбных хат.

Рвут пули пальцами стальными
Соломенные волосы,
Над ними в орудийном дыме
Молниевидная коса.

Какою дикою ордою
Разгромлена Россия ты?!.
Над Волгой, Доном и Невою
Пожаров рыжие цветы.

Нагаек, пашек визг неистов,
Под виселицами дикий свист,
И над телами коммунистов
Казацких шпор звенят мониста.

Орлами, мстители, летите,
Неся на перьях стрел звезду,
Стальными крыльями метите
Златопогонную орду.

Мих. Герасимов.

Перед мировой бурей.

а право жить и управлять без барина,— вот, за что больше двух лет бьется русский рабочий народ.

Против него встают все хищники мира,— биржевики, спекулянты, помещики, офицеры—хотят заставить его снова

покориться капиталу. В России мы уже почти обломали им зубы, из Зап. Европы и Америки получают они оружие и деньги для борьбы с русскими рабочими и крестьянами. Они душат нас блокадой, морят голодом, изводят непрерывной войной. Иной раз с тоскою ду-

мает наш красноармеец, оторванный от мирного труда: да будет ли этому конец? Да справимся ли мы с всемирным союзом капиталистов? Почему не приходят к нам на помощь наши братья, рабочие и крестьяне других передовых стран? Неужели и дальше будем мы одиноки в нашей борьбе?

Нет, братья, этого не будет! Русский рабочий уже не одинок. С восхищением глядят за его борьбой не только миллионы трудящихся в передовых странах Европы и Америки, но и отсталые, угнетенные европейскими империалистами, народы Востока.

Истекший год был временем повсеместного освобождения пролетариата из духовного плена буржуазии. Мы должны помнить, товарищи, что рабочие и крестьяне в Европе и Америке

не только подавляются вооруженными наймитами капитала, но и находятся у буржуазии в духовном плену. Это значит, что буржуазия там сумела поработить самую мысль трудящегося. По ее указке действовало духовенство, учителя, писатели и даже так называемые „вожди“ пролетариата. Эти „вожди“ называли себя социалистами, на словах распинались за интересы пролетариата, а на деле учили его плестись в хвосте буржуазии, подрывали доверие пролетариата в свои собственные силы, проповедывали соглашение между рабочими и капиталистами. Но когда сильный вступает в соглашение со слабым, слабый превращается в раба. Как невольник, влечется он за победной колесницей сильного, изредка получая от него подачку.

Этому времени приходит конец. На место прежних соглашательских социалистических партий в Европе и Америке приходят новые, революционные коммунистические организации.

Их лозунг везде: власть Советов, диктатура пролетариата, союз с Советской Россией. От слов начинают они переходить к делу.

Первые попытки были неудачны и стоили много жертв рабочему классу. Дважды выходили на баррикады рабочие Берлина, но отряды офицеров, студентов с идущими у них на поводу темными массами затопили в крови эти выступления рабочего класса. Две недели существовала Советская республика в одном из германских государств, в Баварии, но и ее сломали белогвардейские банды вышедшего изрядов рабочих, но изменившего им „вождя“ — Носке. Почти полгода продержалась Советская республика в Венгрии. Доверием ее облекли венгерские рабочие и крестьяне: тогда двинулись иноземные полчища, румыны и чехи по указке Антанты и своими сапогами растоптали молодую свободу венгерского народа.

Только перед Советской Россией ломалось неизменно оружие насильников. Это потому, что твердо держали мы мечи в своих руках, а господам-правителям Антанты нельзя было опереться на своих подданных. Они науськивали на нас малые народы: чехов, поляков, румын, финнов, вооружали наших белогвардейцев, но этим злобным карлика не удалось свалить Советского гиганта. А своих солдат против нас пустить господа из Антанты не могли. Наотрез отказались и американские, и французские, и английские, и итальянские рабочие душить своих российских братьев. Они еще не настолько сильны, чтобы вырвать власть из рук своих господ, но уже достаточно сильны для того, чтобы отстоять свою волю и не дать превратить себя в палачей. Все громче и громче раздается их отповедь насильникам. „Руки прочь от Советской России“!

И уже тянутся к нам другие, мозолистые руки, тянутся не для борьбы, а для братского пожатия, для боевого союза против общего врага.

В столицах Италии, на стенах Рима красуются плакаты: Да здравствуют большевики, да здравствуют русские братья; да здравствует Советская власть.

По всем городам Англии, как гром, прокатывается тот же боевой клич: привет русским братьям, долой гнусную блокаду! И само английское правительство начинает вилать, не зная какой политики ему держаться.

А французские рабочие выбирают в парламент тов. Садуля, который давно уже борется в рядах русских коммунистов и которого за это присудил к смертной казни парижский военный суд.

А в Германии партия независимых, в которой теперь 750.000 членов постановляет выйти из союза соглашательских партий, объединившихся вокруг II Интернационала, и на известных условиях примкнуть к революционному III, или, как его за границей многие называют, Московскому Интернационалу.

К этому Московскому Интернационалу примкнули уже американская коммунистическая партия, итальянская объединенная социалистическая партия, болгарская партия тесняков, швейцарская партия, скандинавские и многие другие партии. И в среде французских и английских организаций, из самой глубины рабочих масс все настойчивее выдвигается тоже требование порвать со старым, соглашательским прошлым, вступить на путь борьбы за диктатуру пролетариата, войти в настоящее международное братство трудящихся, в III Интернационал.

Но не только оттуда, из Зап. Европы и Америки тянутся к нам братские руки. Для всего Востока, для всего безбрежного пространства Азии стала Советская Россия символом освобождения от насилий и грабежа европейских угнетателей. У жителей Востока — мусульман священными считались арабские города Мекка и Медина. На 7-м съезде Советов заявил т. Султан-Галиев, представитель мусульманских организаций Востока, что теперь для самых широких масс мусульманского Востока такими священными городами стали Москва и Петроград. Какой-то старый мулла в Ташкенте наивно сказал: «Тот не мусульманин, кто не за Советскую власть».

Мы уже не маленький красный оазис среди безбрежной черной пустыни. Из темных глубин этой пустыни идет глухой гул, поднимаются густыми клубами красные пары восстания. И близок момент, когда огненный смерч взвоет над черной пустыней, испепелит старый мир насилия и лжи, и перед трудящимися всего мира взойдет красное солнце свободы.

Семен Гари.

ЕВРЕЙ ЛЕЙЗЕР.

Рассказ.

Посвящается Комитету
Городского района Р.К.П.
(большевиков), Москов-
ской Организации.

Всю свою жизнь бородатый, поседевший в боях товарищ Лейзер не знал покоя. Когда он был еще «на побегушках» в магазине «часовых дел мастера» в Киеве, какой-то хлиган швырнул булыжником в оконное стекло магазина, где Лейзер с набожной семьей часовщика мирно сидели в своих ермолках за столом, озаренные пылавшими в мельничуровых подсвечниках свечами «шабаша». Осколок стекла застрял у мальчика в левом глазу. Глаз вылечили, но зрение стало слабеть, и на белке образовался большой багровый шрам, точно кусок свежего мяса, придававший добродушному от природы лицу Лейзера сердитое выражение.

Ненаказанное преступление отразилось на всей жизни Лейзера, начинал с того, что красивая девушка Рая, в которую он долго был влюблен, предпочла другого со здоровыми, ясными глазами, без той гноящейся капли, которую Лейзер часто стирал грязным платком со своего слепнувшего глаза.

Во второй раз, когда рассвирепевшая кровожадная толпа погромщиков громила на «Еврейском базаре» лавки, рассыпаясь по окрестным улицам с криками: «Бей жидов!.. Луни их нехристов!..» — Лейзер чуть не сделался жертвой громил, попав в отчаянное положение. Погромщики гнались за ним и за другими евреями с топорами и кольями по Загородной улице. Обыватели наглухо заперли калитки своих домов. Чувствуя неминуемую гибель, слыша позади все приближающееся гиканье пьяной толпы и отчаянный крик настигнутого еврея, Лейзер с ловкостью безумного стал карабкаться по досчатому узкому простенку между домами с целью перепрыгнуть в незнакомый двор. Но очутившись на верхушке простенка с торчащими железными зубьями, он увидел по ту сторону огромного цепного пса, бешено бросавшегося на него с остервенело-покавшими клыками мохнатой морды с маленькими сверкающими глазами.

Колебаться было невозможно, и несчастный Лейзер предпочел броситься в пасть этому зверю.

Погромщики, растерзавшие пойманную жертву, с гиком и свистом пробежали мимо.

Когда кто-то, привлеченный лаем, заглянул в промежуток простенка, то увидел зацепившегося одеждой за острия зубьев еврейского подростка, смешно барахтающегося в воздухе на четвереньках и отбивающегося ногами от прыгающего пса.

Собаку с трудом оттащили, а Лейзера сняли с зубьев, продравших зад и спинку потертого куртука, в котором он помогал часовщику принимать заказы за прилавком магазина. Еще несколько минут, куртук не выдержал бы, и Лейзера загрызла бы собака.

И, к счастью, весьма редкому для еврея, его не только не выбросили на улицу, но даже укрыли от новой банды громил, прорвавшихся во двор и искавших евреев по всем квартирам.

Хозяйка дома, красивая, молодая «проститутка», принимавшая у себя только «и брачных» гостей, но «без всякого различия национальностей», хохотала потом до упаду, рассказывая им, в каком «смешном виде» обнаружила «еврейчика» Лейзера выручившая его прислуга.

«Часовой подмастерье» отделался лишь сильным перепугом, еще два дня продрожав в темном сыром подвале в страхе быть найденным и растерзанным.

После схлынувшей погромной волны, полный благодарности к «спасителям», бледный, жалкий Лейзер решил, наконец, пойти на площадь, где была его мастерская, но сразу ничего узнать не мог.

Всюду сновали верховые казаки и расхаживали сердитые полицейские, не пропускавшие прохожих... Почти все окна в домах и большое стекло часового магазина были выбиты... Целые горы вещей: разбитые роля, зеркала, комоды, кровати, разодранные перины, с развевающимся по ветру пухом, и всякого рода бесформенный скраб и хлам згромождали проходы и проезды.

— Ты это куда?... Жиденок косоглазый.. Тебя еще здесь не было!.. — зарычал усатый городской с бляхой, заграждая проход к магазину.

Лейзер вздрогнул, вновь почувствовав запах крови, но все же заискивающе-боязливо пробормотал:

— Я не знал, что нельзя... Но я здесь работаю подмастерьем?..

— Все равно уходи... нельзя сейчас... Разве не видишь—дознание идет!..

Отогнанный от своего разрушенного гнезда, не зная живы ли хозяева, бесприютный, в подшито кое-как сюртуке, Лейзер стал шляться по базарной площади, обозревая дома с разрушенными рамами, кучи хлама, охраняемого патрулями, и снующих прохожих, направляющихся к собравшейся почему-то большой толпе за «железной» церковью.

Он тоже побрел туда, угнетаемый тоской одиночества и страха и полной неопределенностью положения.

Вблизи бульвара, с оголившимися от старости тополями, было особенно много народу.

— Ведь это ужась, что такое!.. Хочь и жида, а все же люди.. Так искалечить... Беременную распотрошили... Вот еще звери!.. Говорят, вместе с полицией грабили...— расслышал он рассказ одной из двух баб, шедших оттуда.

— А я тебе скажу... Собаке собачья и смерть... Сказано... жида... христово-продавцы... — бесилась другая.

Содрогаясь, никогда никого не продававший, Лейзер подошел к толпе и кое-как протискался внутрь огромного круга людей, все время расталкиваемых полицейскими:

— Раздвиньтесь... отойдите, господа... Не напирайте... Куда на мертвецов лезешь!.. Ослеп, што ли?... Простор дайте...

— О... ох... Боже мой... Боже!.. — простонал Лейзер, увидя тех, о «просторе» для кого так заботится полицейский.

Целыми рядами лежали десятки трупов изуродованных евреев: старые, молодые, женщины, мужчины, дети.

Вокруг них стояли, допускаемые для опознания своих, родственники убитых, оглашая воздух то сдавленными, то громкими рыданиями.

Здесь же, почти у самых ног своих, Лейзер узнал труп хозяина, но узнал не по лицу, от которого ничего не осталось, кроме торчащих густых окровавленных бровей над вытекшими глазами и развороченным носом, а по скрюченной руке, на кисти которой недоставало среднего пальца, оторванного когда-то на фабрике.

Ему стало так страшно, так жутко, что он сейчас же стал протискиваться через толщу толпы наружу, вместо того, чтобы пройти

через образованный полицией проход. Плакать ему было не по ком, отца и мать он потерял еще ребенком и вырос у какой-то тетки, отдавшей его в часовую мастерскую.

— Куда!.. Проходу не видишь, што ли... — напустился на него полицейский.

Лейзер продвинулся к проходу, но вновь оцепенел от ужаса:

Прямо на него смотрели выпяченные тусклые, как маслины, черные глаза того самого седого старика, которого он обогнал, убегая от погромщиков, и нечеловеческий крик которого прозвенел у него в ушах, когда он взбирался на верхушку простенка.

— Если бы не я, а он обогнал меня, я лежал бы здесь на его месте... — пронеслось в мозгу Лейзера, и он, как сумасшедший, вырвался наружу из душившей его толпы людей, смотревшей на все эти трупы какими-то тупыми бессмысленными глазами.

Все это, как и кошмар пережитых страданий, оставило в душе Лейзера еще более глубокие следы, чем когда-то обезображенный хулиганом глаз. Он невольно проникся ненавистью к христианам, которые могли все это делать, исповедуя веру в какого-то бога, умершего, как они рассказывали, на кресте для спасения людей.

— О, христиане... христиане... — шептал он, как

пьяный, уходя куда-то вперед, подальше от этих мертвецов, среди которых только благодаря случайности не лежало его тело с красным рубцом на гноящемся глазу, по которому кто-нибудь мог бы узнать и его.

И ненависть эта становилась тем сильнее, чем больше угнетали его несчастный народ, гонимый из города в город, изгоняемый за «черту оседлости», избиваемый пьяными «христианскими» хулиганами, подстрекаемыми царскими жандармами и полицией.

Покинув Киев, Лейзер кое-как добрался до своего родного города Лодзи, откуда судьба перебросила его в Одессу. Поступив в Одессе подмастерьем в часовой магазин, Лейзер вскоре сблизился с большевиками и сделался «сознательным» и революционером.

Только теперь он понял, что не русский народ, не рабочие массы повинны в ненависти к евреям и в погромах.

...Революция 1905 года видела еврея Лейзера вместе с рабочими и студентами на общих тогда революционных баррикадах, откуда он в одно и то же время защищал и свой

Погромщики гнались за ним с топорами и камнями.

народ от погромщиков и нападал на контр-революцию, одержавшую свою последнюю „победу“ над народом...

С баррикад он попал бы прямо на виселицу, если бы товарищи не помогли ему, раненому, бежать, организовав нападение на конвой, среди которого также было много своих.

Лейзер скрылся из Одессы, оставив здесь жену и двух любимых мальчиков, уцелевших от погрома благодаря одной русской революционной семье, не попавшейся на глаза охранке. За все время своего подпольного скитания только несколько раз ему удалось с бьющимся сердцем и слезами увидеть жену и подросших сыновей, содержащихся почти без его помощи трудом рук матери, шившей модные платья для детей буржуазии. Пойти к ним, — значило рисковать провалом и себя и той тайной типографии, в которой он набирал по ночам нелегальную, как и он сам, партийную газету.

Но как он ни прятался под огромной запущенной бородой, очень старившей его, как ни прятал свой искалеченный глаз, отмеченный в старом паспорте, под темными круглыми очками, все же глаз этот и выдал его агентам охранки.

— Лейзер!.. Лейзер!..

Кто-то прокричал однажды позади него это страшное теперь для него имя.

Лейзер, проживавший в Твери по паспорту Д. Вида Залкинда, перешедшего через границу без всякого паспорта, не оглянувшись, продолжая спокойно идти по улице.

— Лейзер!.. — вдруг раздалось у него перед самым ухом, и какой-то „штатский“ пошел рядом с ним, стараясь проникнуть острыми глазами ищейки под стекла его очков, плотно прилежавших к орбитам глаз.

— Извините, господин, вы опознались... я не — Лейзер... — спокойно, с улыбкой, ответил он, взглянув на «шпики» сквозь темные стекла очков и продолжая свой путь.

Но остановившийся было в нерешительности „штатский“, вновь пошел за ним.

— Провалился... — подумал Лейзер, перебирая в мозгу все хитрости, к каким прибегают в таких опасных случаях, тем более, что эту ночь он работал в типографии; вместе с ним могла провалиться и она.

Он решил испробовать простой, но удававшийся раньше способ провести „шпики“.

Пройдя два-три квартала и убедившись, что тот не отстает, Лейзер снял и протер большим цветным платком свои очки и, во время надев их, чтобы шпион не успел догнать его, вынул из кармана какую-то записку и стал внимательно читать ее.

Шпик прошел мимо, но сам Лейзер вдруг остановил его:

— Скажите, пожалуйста, как мне пройти в участок?.. Вот, я получил повестку... и боюсь опоздать...

Штатский, повидимому, вновь приведенный в замешательство, заявил, что не знает, где участок.

— А вот спросите у городского, — предложил он таким обыкновенным тоном, что Лейзер подумал, что, может-быть, это и не шпик.

Но почему же он хочет обнаружить во мне Лейзера?.. — задумался он и, сказав с намеренно еврейской миной: „очень вам благодарю“, направился к городскому.

Пока городской рассказывал, как пройти, «штатский», повидимому, внимательно изучал его, но Лейзер не боялся этого.

В «лапсердаке» и картузе, с измененным растительностью лицом, с очками на глазах, даже жена его не хотела поверить, что это — он, Лейзер, муж и отец ее детей. Тот Лейзер, который действительно был ее мужем, никогда не носил ни лапсердака, ни пейсов, ни такой длинной бороды. Когда она вышла за него замуж и расставалась с ним, после его ареста, это был нравившийся ей приличный подмастерье, а не такой, за которого она никогда бы не вышла замуж.

Лишь после того как он, приподняв свои темные очки, взглянул на нее своим больным глазом, она сразу узнала его.

Поблагодарив полицейского, Лейзер свернул в указанный переулок и, оглядываясь, быстро зашагал вперед и вдруг шмыгнул в один из дворов. Сообразив что-то, он с таким же проворством скрылся в двери чьей-то квартиры. С целью затянуть время, Лейзер долго расспрашивал здесь о несуществующем еврее, якобы жильце этого дома, и о разных вещах, имевших некоторый интерес для праздного обывателя.

Но когда Лейзер осторожно вышел и, озираясь, стал спускаться по лестнице, то к своему ужасу заметил также крадущегося навстречу шпиона.

— Шпион!.. решил Лейзер, но все же сделал попытку пройти мимо.

— Стой!.. Ни с места, жид!.. закричал на него сыщик, направляя в голову дуло браунинга.

Сопrotивление было бесполезно, тем более, что случайно с ним не оказалось револьвера.

Глаз предал его и в жандармском управлении. Во время допроса ему предъявили фотографический снимок еще юношеского портрета, отобранного при обыске у жены.

Пойманного революционера отправили в Петербург, посадили в Кресты и присудили к 18-ти годам каторжных работ, применив манифест об амнистии. Типография к величайшей его радости обнаружена не была. Раскрытие ее было бы для Лейзера гораздо большим несчастьем, чем спокойно выслушанный приговор царского суда.

Здесь, в Крестах, он имел несколько кратких свиданий с приехавшими женой и сыновьями; старшему из них было уже 16 лет.

— Смотри же, будь стойким социалистом и не забывай твоего отца, — удалось Лейзеру шепнуть сыну.

Он едва сдержал сжавшие горло рыдания. Ссылка в якутскую тайгу опять разлучила Лейзера с семьей, которую он и так почти

никогда не видал, проживая в «подполье», но не могла разлучить его с партией: партия была повсюду, и на поверхности жизни, и в подполье, в цепях и на каторге.

Рассеивая жертвы по лицу земли, она вела свою тяжелую работу в массах, подготавливая восстание против царизма и организуя пролетариат в борьбе за социализм. Работая в авангарде всех других социалистических организаций, с одними согласно, с другими ведя непримиримую идейную борьбу, партия большевиков делала свое дело.

Февральская революция, свергнув царизм, общими усилиями разбив тюрьмы и разорвав цепи, выпустила на волю и еврея Лейзера, измученного, больного, теперь уже слепого на один глаз.

Встрепенувшись на воле, он снова с головой окунулся в революционную работу, которой оказалось еще больше, чем до свержения царизма, жившего еще в сердцах генералов, офицерства, бюрократов-чиновников и замоскворецких салонниц.

Мелкая буржуазия пыталась захватить в свои руки власть над рабочими и крестьянами, и для борьбы с ними большевики должны были напрячь все свои силы, возраставшие с каждым днем. Возрастали силы и буржуазии.

Уставший на каторге, товарищ Лейзер очень боялся подготовлявшегося июльского восстания, опасаясь провала и укрепления социал-предательской власти, но вскоре убедился, что задержать клокодавшие уже силы взрыва значило рисковать быть выброшенными в воздух массажи, неуговорно рвавшимися к восстанию.

И действительно, хотя восстание и было подавлено, но оно приблизило великие «Октябрьские дни». Море социальной рабоче-крестьянской революции закипало все с большей силой и, наконец, разразилось бурей, с невероятной легкостью снесшей в бездну истории всю накипь еще февральских мутных, бесцветных волн...

Красное знамя коммунизма вспыхнуло над освобожденным Петроградом и заалело по всей России, разбивая редут за редутом контр-революции и все дальше оттесняя объединяющихся рассвирепевших врагов.

Гражданская война разделила всю страну на два лагеря: *красных и белых*. Борьба разгоралась; враги вырастали словно из-под земли.

— Где мои дети?.. Где мои дорогие Давид и Самуил?.. — часто задавал себе этот вопрос

товарищ Лейзер, глубоко тоскуя по семье, которую, несмотря на все поиски, ему не удалось найти.

— Где они?.. — мучился он еще и тайным вопросом: не по ту ли сторону фронта, не с палачами ли пролетариата?..

Вся жизнь Лейзера, уже почти старика в 45 лет, была разбита, искромсана, истерзана... А тут еще новое мучение, не дававшее ему покоя.

— Может-быть, и вы с убийцами Либкнехта и Розы?.. — со злобой, сжимая кулаки, спрашивал он себя в своей измученной душе, не в состоянии сомкнуть глаз от душевного волнения и физически ноющего сердца.

Для него было ясно, что уже взрослые дети не могли быть свободны от участия в красной или белой армии... И если они не здесь, не по эту сторону фронта, не в Красной армии, то они — против нее, там, с белыми разбойниками, режущими рабочих и крестьян задыхающейся в борьбе Советской республики.

— Не погибли ли они все во время этих новых григорьевских погромов?.. — задавал он себе и этот вопрос, — и в памяти его невольно вставали все ужасы пережитого. Но даже с этим примирилась бы его душа, все же они были бы мучениками революции.

В грозный и опасный час партия коммунистов лучших своих работников отправляла на фронт.

Старый Лейзер также предложил послать его на южный фронт. Он был назначен одним из политических комиссаров южного фронта, с большими полномочиями.

Ехал Лейзер в штабном экстренном поезде по направлению к Харькову, любясь в раскрытое окно вагона бледно-оранжевыми лучами восходящего летнего солнца, озарявшего высокие колышавшиеся уже на ветру травы и хлеба необъятных степей и черноземных полей Украины, и рисовал себе план борьбы. Но рисовавшийся в его уме довольно стройный план борьбы с врагами иногда рассыпался в нечто мало-определенное, неясное, под влиянием неотступно вклинивавшейся в мозг мысли: — Где же мои дорогие Самуил и Давид?.. Как бы теперь вы могли помочь мне, старику, справиться с этой большой важной задачей...

И взгляд его единственного глаза грустно, почти ничего не видя перед собой, задумчиво скользил по быстро бегущим орошенным дождем травам.

Стой!.. Ни с места, жид!.. — закричал сыщик.

Образ жены, как он ни любил и ни ценил ее, особенно за все перенесенные ею тяжести жизни, гораздо реже возникал в его мозгу.

— Где они?.. Не сражаются ли они в нашей же Красной армии скромными неизвестными, но отважными борцами?.. Ведь, в них течет моя кровь, пролетарская кровь честного революционера...—с радостью воскликнул в себе Лейзер и почувствовал, как все его существо охватывается священным огнем революционного вдохновения и как, вместе с этим, две горячие слезы побежали по впалым щекам, затерявшись где-то в густой седой бороде.

В Харькове и почти в самом огне южного фронта—Донецкой области, где Красная армия после сопротивления принуждена была вновь отступить, Лейзер повел горячую работу по своему плану, встретив сочувствие товарищей. Но уже одним своим влиянием этот старый революционер, с патриархальной внешностью, всюду проявлявший неизменное мужество и бесстрашие мог сделать очень многое для укрепления фронта и поднятия духа армии.

Каждый красноармеец чувствовал и видел в нем комиссара, не чванящегося высоким званием, а прежде всего революционера, для которого революция была стихией, в которой он прожил всю свою жизнь и вне которой он не мог бы себя и представить, если бы когда-нибудь задумался над этим. Но и в пылу работы, доводившей его часто до изнеможения, так как, пока еще отступая, приходилось работать словно на пожаре, Лейзер все же проявлял слабость человека.

Он не мог отделаться от мысли о своих сыновьях.

Они становились болезнью его утомленной души, его мозга, напрягавшего последние силы в тяжелой борьбе.

Однажды, после горячего боя, сохранив свои важные позиции, Красная армия захватила в плен часть разбитого отряда Деникина с тремя офицерами и трофеями. Пленных привели в ту слободу, где был расположен штаб N-ской части армии. Солдат разместили в специальных бараках, а двух офицеров (третьему удалось бежать в пути) привели на квартиру штаба для допроса и выслушания приговора военного суда. С офицерами не приходилось долго разговаривать при отступлении.

Всмотревшись внимательно в приведенного для допроса офицера с седеющей уже подстриженной бородой, Лейзер, также участвовавший в коллегии суда, узнал в нем того самого жандармского ротмистра, который несколько лет назад допрашивал его в тверском жандармском управлении и предъявил ему снимок с портрета для установления, что арестованный шпионом был именно он, Лейзер.

Этот же ротмистр присутствовал и при свидании его с семьей перед отправлением на каторгу из Крестов.

Лейзер обомлел от этой неожиданности, и, вместе с тем, смутная надежда узнать, где семья, зародилась в его сердце.

— Вот кто может знать, где мои сыновья,—подумал он, с замиранием сердца.

Дрожь от волнения, Лейзер сообщил председателю на ухо о своей откровенности, который в свою очередь передал об этом другим судьям.

— Ваша фамилия?..—спросил председатель офицера в изорванном мундире, с одним погоном.

— Вы можете расстрелять меня и без фамилии...—ответил офицер, с дрожью в голосе... А впрочем, если она вас интересует... извольте... Клецов, Василий Петрович... капитан...

Лейзер знал, что капитан врет, так как хорошо знает, что жандарму не могло быть никакой пощады со стороны революционного суда. Его фамилия—Байков—слишком хорошо была известна, особенно на юге России; откуда, как опытного сыщика и жестокого жандарма, его перевели в Петербург. В Твери он был лишь в командировке по делам сыска.

— Вы—Клецов?..—нервно, саркастически улыбаясь, переспросил его Лейзер... А я думаю, что вы такой же Василий Клецов, как я... *Давид Залкинд*...—со злым смехом бросил он в лицо жандарму и уставился в него одним своим глазом, ожидая ответа.

Байков от изумления и страха вытаращил на него свои хитрые, лисьи глаза, и видно было, что он узнал Лейзера, прищурившись к его глазу с бельмом и темным рубцом возле зрачка.

Несколько мгновений они оба молчали, с огоньками ненависти во взглядах рассматривая друг друга.

— Да... вы не Залкинд...—пробормотал жандарм, стараясь на всякий случай потушить злобный огонек в своем глазу.

— Убедились?.. Вспомнили?.. А вы—*жандармский ротмистр Байков*. Не правда ли?.. Тот самый, которого мы тоже никогда не забудем...—объявил ему Лейзер.

Жандарм не возражал... Возражать не было никакого смысла.

— Как бы у него спросить о детях...—опять с болью шевельнулось в сердце Лейзера, но вопрос этот показался ему слишком личным, чтобы задавать его в заседании военного суда, тем более, что с внутренней его драмой никто из судей не был знаком, и он почти никогда ни с кем не говорил об этом.

— Потом... потом... только бы не расстреляли, прежде чем спрошу...—испугался он этой возможности.

— Да, на вашей душе, господин ротмистр, много преступлений против революции...—сказал он только затем, чтобы чем-нибудь заглушить внутреннюю боль.

— Что ж, теперь я в вашей власти...—ответил тот, не возражая и против этого слишком очевидного и для него самого факта.

Председатель, получив утвердительный ответ на главный вопрос:—жандармский ли он

ротмистр Байков, стал задавать вопросы. Все вопросы сводились, главным образом, к тому, чтобы, насколько возможно, раскрыть стратегическое положение врага и число расположенных здесь сил.

Ротмистр, отправлявший в тюрьмы и на виллы десятки и сотни «государственных преступников», быть может, в надежде спасти себя от расстрела, давал кое-какие указания, казавшиеся председателю суда вероятными, но установить, говорит он правду или лжет, было решительно невозможно.

После краткого совещания военный суд объявил приговор, принятый единогласно. Капитан армии белых, бывший ротмистр охраны, присуждался к расстрелу.

Кто из судей мог поверить жандармскому офицеру?.. Но если бы суд поверил ему и оставил его в живых, как капитана белой армии, предавшего ее врагу, то, как жандармскому ротмистру, он все равно обязан был вынести смертный приговор.

— Вы обманули меня!.. Негодяи!..—выслушав приговор, крикнул жандарм. Но председатель, не обращая внимания на ругань приговоренного к смерти жандарма, только выяснил ему его положение:

— Вы можете ругаться сколько угодно, но мы не можем не расстрелять вас... как палача еще царского режима... Да и, посудите сами, разве можно поверить жандарму?..—подчеркнул председатель.

Какая-то злая мысль вдруг блеснула в глазах жандармского ротмистра, и он отчетливо произнес:

— Если вы не хотите поверить мне... спросите не жандарма, а...

А — вашего товарища?.. — закончил председатель его фразу вопросом, полагая, что жандарм ссылается на другого офицера, ждавшего допроса.

— Нет, не товарища, которому вы тоже не поверите, хоть он и не жандарм, а...

И, отчеканивая каждое слово, жандарм произнес:—...а Да..ви..да... сына... Лейзера Боруха, члена вашего же суда. Его я прошу допросить, господин председатель,—к изумлению всех предложил жандарм.

— Как!.. Моего сына Лейзера?.. Моего сына?.. Что ты сказал?!—вскочил со скамьи Лейзер, в предчувствии чего-то ужасного, широко раскрывая оба глаза на Байкова.

— Да, вашего сына Давида, он здесь... Его вместе с нами взяли в плен...—продолжал жандарм, со сквозящим в каждом слове злорадством, что и среди коммунистов могут быть предатели и изменники, и, не скрывая уже злого огня, снова вспыхнувшего в его глазах...—Вашему сыну суд, конечно, поверит...

Судьи в смущении устремили свои взгляды на Лейзера, схватившегося за сердце. Под наглым взглядом жандарма ему казалось, что какая-то огромная позорная тень легла на его имя, и что все, и жандарм, и судьи, видят эту ужасную тень, что она становится еще позорнее, еще несмыслаемее, хуже всех пре-

ступлений даже самого Байкова. Тень эта проникла и внутрь, в самый мозг Лейзера, заливая его черной кровью измены и предательства.

Он тихо, бесшумно опустился на свою скамью, косматая голова его упала на грудь, и вдруг он качнулся и, потеряв сознание, свалился со стула, лепеча что-то несвязное. Судьи, секретарь и стоявший у дверей красноармеец с винтовкой, застывшие на мгновение в оцепенении, бросились к Лейзеру.

Верный революции и рабочему классу, еврей бился в судорогах на полу.

Что-то прошумело позади всех, хлопнула рама окна, но никто не обратил на это внимания, всматриваясь в страдальческое лицо Лейзера и не соображая сразу, как ему помочь.

Вдруг беспорядочные залпы ружейных выстрелов раздались у самой избы, как будто она подверглась внезапному нападению белогвардейцев.

Все вскочили от Лейзера и, выхватывая из кобур револьверы, бросились на улицу.

Рассыпавшиеся по улице красноармейцы, как казалось, догонявшие друг друга, палили из винтовок в догонку убежавшему пленному офицеру. Вблизи, на самой середине улицы, лежал другой уже мертвый, повидимому, тоже офицер, с сорванными погонами.

В этот момент и бежавший офицер также упал и несколько раз перекатился по земле.

Пальба сразу прекратилась.

Все выяснилось.

Воспользовавшись суматохой, вызванной болезнью Лейзера, жандарм выскочил в окно, и когда дежурившие у штаба красноармейцы стали стрелять по беглецу, другой пленный офицер, ожидавший допроса, также выскочил из сеней и стал убежать в другую сторону.

Оба были убиты. Караул, стоявший у барака с пленными белгвардейскими солдатами, остался на своих местах.

Лейзер был еще жив, кровь изо рта слегка оросила его бороду. Врач установил сильное нервное потрясение и односторонний паралич.

Он не мог произнести ни одного слова, но бледное, как смерть, лицо его светилось невыразимыми страданиями, ясными для всех и без ненужных слов.

Когда товарища Лейзера снесли на носилках в походный госпиталь, и председатель вновь собравшегося военного суда приказал привести для допроса пленного белогвардейца Лейзера, то среди пленных никто не отозвался на это имя. Явилось предположение, что Давиду удалось бежать, но проверка установила наличие всех пленных.

Судьи в недоумении взглянули друг на друга.

— Или этот негодяй, жандарм, провел нас, или Давид Лейзер не попал к нам в плен,—выразил свое предположение председатель и приказал привести для допроса другого пленного.

К тому времени, когда старик Лейзер стал проявлять некоторую жизнеспособность и кое-как произносить отдельные слова и понимать

окружавших товарищей, случайно удалось установить то, без чего, по мнению врачей, старый борец коммунизма не проявил бы воли к жизни.

Ни Давид, ни Самуил никогда не были белогвардейцами или предателями рабочего класса.

Они были простыми рядовыми борцами Красной армии.

Бежавший из деникинского плена, товарищ рассказал трагическую историю славной смерти Давида Лейзера, попавшего уже раненым в плен и расстрелянного военным судом под председательством... капитана Байкова за от-

каз дать сведения о Красной армии; Самуил же, по сведениям Главного Штаба, находился в N-ском красноармейском полку, преследуя разбитую армию Колчака.

В Красную армию оба брата были зачислены по партийным именам, почему и было так трудно разыскать их.

Где мать их Сара, так и не удалось установить. Кто-то из видевших ее еще до революции в Херсоне передавал, что, не получая от Лейзера с каторги никаких вестей, она была уверена, что муж ее никогда больше не вернется.

Кирилл Злинченко.

Заря золотая.

Заря золотая, заря огневая...
Как радостен алый твой свет.
Не красное ль знамя в выси развевая
Над миром восходит рассвет?

И алые тучи— не алые ль стяги?—
Несутся, горя в вышине,
День новой работы и новой отваги
Украшив надеждою мне...

Из золота будто, из пламя литые
Горят на заре предо мной
Леса и деревья, леса золотые,
Мой край ненаглядный, родной...

Зарей золотятся и нивы, и села...
С зарею проснуться должны
Для жизни свободной, для жизни веселой,
Для братской рабочей страны.

Ты плачешь росой заря золотая...
И капают слезы с цветов...
Ты высушишь слезы свои, расцветая.
Взойди же над чащей крестов!

Над лесом-крестов! Над могилами павших!
Они—не дождалась зари...
И золотом рдяным средь листьев опавших
Священный их прах озари!

Взойди над полями, над нивой родною,
Где грозно скрестились мечи,—
Взойди, огневая! Широкой волною
Посей золотые лучи!

Л. Белнина.